

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНАСТИКА

ТАНКИСТКА

АЛЕКСАНДР БЕРГ

Александр Берг

Танкистка

Серия «Антиблицкриг», книга 2

Серия «Военная боевая фантастика»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68482648

Танкистка. Роман: АСТ; Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152602-3

Аннотация

Молодой парень – контрактник, старшина, танкист по военно-учетной специальности, командир танка во время первой чеченской войны – при штурме Грозного погибает, и его душа попадает в новое тело, в июль 1941 года. Найдя и отремонтировав тяжелый танк КВ-1, он вступает в бой, используя все свои знания профессионального танкиста и помня общие сведения о Великой Отечественной войне и о слабых местах наших и немецких танков.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	67
Глава 5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Александр Берг

Танкистка

Роман

Все знают про летчиц, которые воевали в Великой Отечественной войне. Были связистки, санитарки, зенитчицы, но что мы знаем про женщин, которые воевали в танковых частях? Практически ничего. Они были, но про них почти никто не упоминает в книгах. Огромная и сердечная благодарность им за то, что они в самый трудный для нашей Родины час наравне с мужчинами защищали ее. Вечная им память и благодарность за то, что они приблизили победу и защитили свою страну.

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© Александр Берг, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

**Январь 1995 года, Россия,
Чеченская республика, Грозный**

Это все мне не понравилось с самого начала. Атаковать одними танками, без поддержки пехоты крупный город – да это полное безумие... О чем только эти долдоны думают?! Я, обычный старшина-контрактник, это понимаю...

Мой дед, земля ему пухом, рассказывал, как во время Великой Отечественной жгли наши танки в городах, когда они оказывались без прикрытия пехоты. Неужели тот выстраданный и обильно орошенный нашей кровью опыт Великой Войны забыт?

Своего «чеха» я не увидел, просто смотрел в свою панораму по ходу движения танка, а потом – вспышка и темнота.

Молодой чеченец, высунувшись из окна семиэтажки, внимательно следил за приближавшимся к дому танком; в его руках был хоть и старый, но вполне надежный советский гранатомет РПГ-7, заряженный кумулятивной гранатой. Дождавшись, когда танк доехал до его окна, он, резко высунувшись, выстрелил вертикально вниз. Граната попала прямо

в башню, кумулятивная струя легко прожгла тонкую броню люка и ворвалась внутрь грозной боевой машины. От этого сдетонировал почти полный боекомплект танка, и башню, мигом сорвав с погона, отбросило на добрый десяток метров от остова танка. Экипаж танка погиб мгновенно, а уничтоживший Т-72 чеченец не успел порадоваться своей победе – небольшим куском танковой брони ему снесло половину черепа.

Глава 1

22 июня 1941 года. Белоруссия

Я медленно выплывал из тишины беспамятства, а откуда-то издали, словно сквозь вату, до меня доносились чьи-то слова:

– Наденька, да очнись ты, ну пожалуйста, милая моя, доченька, очнись, прошу тебя.

Голос был женским и смутно знакомым. Хотелось открыть глаза, но эта боль в голове и шум в ушах... Мою бедную голову положили на что-то относительно мягкое и теплое. Не знаю, сколько прошло времени – десять минут, полчаса, час или вечность, пока я хоть немного, но не пришел в себя. Глухо застонав, попробовал пошевелить головой.

– Наденька, очнулась, милая моя.

Что за Наденька такая, почему ее все время упоминают? Тут меня попробовали немного приподнять, сначала за плечи, а потом, когда я уже был в полусидячем положении, меня обхватили за грудь...

Черт, откуда у меня женская грудь, да еще, судя по всему, третьего-четвертого размера? Что, дьявол меня задери, происходит?!

— Давай ее сюда! — послышался чей-то мужской голос, и меня, осторожно приподняв, перевалили через какой-то бортик.

И я оказался на сене. Мысли в голове еще путались, но я усилием воли старался их упорядочить и понять, где я и что со мной происходит. Наконец, с усилием удалось открыть глаза. Надо мной было небо, бескрайнее синее небо с редкими барашками белых облаков. Чуть скосив взгляд, я увидел края телеги и сидевшую рядом женщину средних лет. Мама, блин! Это не моя мама! А память услужливо говорила, что это моя мама, Варвара Сидоровна Нечаева, повариха из небольшого белорусского городка, куда мы приехали вместе с отцом, майором пехотинцем год назад. После начала войны отец немедленно убыл в часть, а мы с мамой, по его настоянию, двинулись в глубину страны.

Черт, черт, черт... Как это возможно?! Еще не веря своей, своей... памяти, я осторожно положил правую руку себе на грудь, а левую — как бы между прочим на пах. Да, правая оказалась на том, чего быть не должно, и похоже, весьма щедро чем-то быть не должно, зато левая констатировала полное отсутствие того, что быть должно, но напрочь отсутствовало.

Пипец котенку, приплыли! Вот перед мысленным взором стали проплывать недавние события. Нет, не Грозный и мой последний бой, а утренняя бомбежка и речь Молотова в полдень, прощание с отцом и дорога, а также налет пары бомбардировщиков на колонну беженцев в этот же день и близ-

кий разрыв бомбы.

К вечеру я окончательно очухался. Вот это попадос! Судя по всему, тогда, в Грозном, я погиб, причем со всем своим экипажем, и неведомая мне сила забросила меня сюда, снова на войну, самую страшную, что когда-либо происходила на Руси. Мне дали второй шанс, кто и за что или для чего – не знаю... Но суки! Почему в бабу?!

Вечером на привале я уже смог сам сходить в кусты, так сказать, проинспектировать их. Было, конечно, очень необычно... Ведь я делал это совершенно по-другому. Также я смог хоть немного разглядеть и оценить свое новое тело. Длинные ноги с крутыми бедрами, относительно неплохой талией и грудью определенно четвертого, а то и пятого размера. Будь я парнем, вернее останься я им, то обязательно, увидев такую кралю, попытался бы ее склеить. А что мне теперь делать самому?! Только от одной мысли, что меня кто-то лапает за грудь, сразу замутило – мерзость какая! Да, у меня сейчас женское тело, но сознание-то мужское! Как жить дальше? Хотя чего это – война, блин, идет, а я о таких глупостях думаю.

Кто я такой? Надежда Викторовна Нечаева была медсестрой, только их сейчас и так хватает, нашим я этим сильно не помогу. А я сам, Георгий Петрович Рябов, командир танка, афганец, буду сидеть в тылу или максимум в роте санитаркой? А вот фигушки вам! Натё выкусите! Я ТАНКИСТ! Вернее, уже танкистка, будь оно все неладно! Ну что им или

ему, или ей, хрен его знает кому... – ну, короче, кто это все сделал, – стоило засунуть меня в мужское тело? С такими мыслями я и уснул.

Утром встали рано, но чувствовал я себя вполне сносно. Немного болела голова, все же контузия довольно сильная, даже сознание потерял, но, слава богу, сотрясения мозга у меня, похоже, не было. Позавтракав остатками взятых с собой продуктов, мы вместе с небольшой колонной двинулись дальше.

Часа через три я увидел одиноко стоявший на обочине танк, это был КВ¹ с 76-миллиметровой пушкой. Его люки были открыты, а сам он внешне выглядел целым. По крайней мере, соскочив с телеги, на которой ехал, и обойдя его по кругу, я не нашел на нем никаких видимых повреждений.

– Надя, чего ты там забыла? Стоит себе танк и пускай стоит, нам идти надо!

– Подожди, мам, – ответил я ей, а сам сиганул внутрь тан-

¹ КВ-1 (Клим Ворошилов) – советский тяжелый танк начала сороковых годов. Получил немецкое название «Призрак». Боевая масса – 47,5 тонн, толщина брони – 75 миллиметров, башни – 75–90 миллиметров, орудие калибром 76 миллиметров и три пулемета ДТ. Самый мощный танк в мире на тот момент; конкурировать с ним мог только английский «Черчилль», имевший сходную броню и вооружение. На начало войны немцы не имели достойного противника для КВ; в отдельных случаях, при наличии боеприпасов и опытного экипажа, КВ в одиночку сдерживал целые батальоны и даже полки немецких танков. Так, под Ленинградом после боя на одном КВ насчитали более сотни попаданий, так и не пробивших его броню. До появления на поле боя немецких «Тигров» и «Пантер» в 1943 году КВ был малоуязвим для немецких танков и противотанковых орудий. – *Здесь и далее прим. автора.*

ка.

Чертова юбка, как в ней неудобно! Не, на жаре так даже неплохо, ветер приятно обдувает ноги, но в танке сразу за что-то зацепился ею. Сев на место механика-водителя, осмотрел приборную доску и рычаги управления. Пару минут рассматривал их, а потом попробовал завести КВ. Стартер нутужно заревел, но двигатель заводиться не хотел. Перестав насиловать его и стартер, глянул на приборы. Топливо было, почти полный бак солярки, значит, дело не в этом.

– Надя! Прекрати дурью маяться!

Мама, судя по всему, разозлилась не на шутку.

– Красавица, что тут забыла?

Обернувшись на голос, я увидел молодого парня, совсем еще молодого, но уже здорового такого, с широкими плечами молотобойца.

– Помочь можешь? – спросил я его.

– А что надо сделать?

– Откинуть крышку моторного отсека.

Вдвоем мы откинули крышку.

Мама все еще пыталась заставить меня идти дальше.

Сунувшись в отсек и немного подождав, пока глаза не адаптируются к полутьме, я наконец увидел причину поломки. Какой-то раздолбай не затянул шланг подачи топлива. Вынырнув из отсека, я залез в танк: вроде видел там инструменты. Ага, так и есть, немного, но сгодится. Прихватив их с собой, вынырнул из танка и вновь нырнул в двигательный

отсек. Поставив назад шланг, крепко его затянул на ТНВД², после чего снова залез на место механика-водителя. Запускаю стартер. Шум, рычание и вот оно – двигатель, пару раз чихнув и громко стрельнув, выпустив клуб вонючего черного дыма, уверенно замолотил на малых оборотах. С трудом включаю передачу и плавно трогаюсь с места. Всего на чуть-чуть, но главное ясно: танк на ходу.

Глушу двигатель: нечего ему соляру жрать и моторесурс вырабатывать попусту. Боезапас почти полон; не знаю, сколько положено по уставу, но снарядов много – девяносто или сто четырнадцать в зависимости от модификации. А вон и диски к ДТ лежат, две тысячи семьсот семьдесят два патрона, в диске – шестьдесят три.

Наконец, вылезаю наружу. Давешний парень смотрит на меня, округлив глаза. Ну, его можно понять: стоит танк, а по нему ядреная девка лазит, да не просто так, а за пять минут найдя и устранив неисправность.

– Надежда, перестань дурить! Пошли скорее! – взывает мать.

– Прости, мама, но дальше я с тобой не пойду. Ты иди, а я тут останусь.

– Ты что, сдурела?

– Нет, но с тобой я дальше не пойду! Вот исправный танк, я его нашла, отремонтировала, и теперь он мой. На нем немец бить буду.

² Топливный насос высокого давления.

– Красавица, а меня к себе в экипаж возьмешь?

Парень пришел в себя и теперь смотрел на меня осмысленно.

– А что ты делать умеешь?!

– Тракторист я, на тракторе ездить умею, а тут, считай, все то же самое.

– А почему не в армии тогда?

– А мне семнадцать лет, не взяли: сказали, что еще молод.

Да, а не скажешь. Мордашка, конечно, еще молодая, но рост под метр восемьдесят и ширина плеч солидная; видимо, сила есть, так что вполне подойдет на роль водителя. Тут ведь передачи туго переключаются. Я, пожалуй, и не смогу сам их переключать; хоть это тело и довольно крупное для девушки, но все же сила не та.

– А меня возьмете?..

– И меня?

Смотрю на говоривших. Дети, блин: один явный еврейчик, да еще и очкарик вдобавок, а другой блондин, тоже где-то лет шестнадцать-семнадцать будет.

– А что ты умеешь? – спрашиваю у еврейчика.

Нет, антисемитизмом я не страдаю, но просто интересно, что он умеет. Глядя на него, в голову приходит только одно – пиликать на скрипке.

– Я, тетенька, радиодело хорошо знаю; а тут рация стоит, вам все равно радист будет нужен.

– А откуда ты знаешь, что тут рация стоит?

– У нас танкисты стояли, один раз в танк разрешили залезть.

– Ладно, уговорил. А ты? – обратился я уже ко второму пацану.

– А я тогда за наводчика могу, у меня даже есть значок «Ворошиловский стрелок».

– Так из пушки стрелять не то же самое, что из винтовки!

– Показывали нам.

– Кто?

– Да мы дети командиров, мы много разной техники видели.

– Ладно, осталось только заряжающего найти.

– А мне можно?

К нам подошел еще один довольно крепкий на вид парень.

– Надя, ты с ума сошла!

Это снова попробовала наехать на меня мама, но у нее ничего не получилось. В итоге она крепко меня поцеловала и с мокрыми от слез глазами двинулась дальше по дороге.

Щеглы полезли было в танк, но я их выгнал:

– А ну, ша, башибузуки! Мне переодеться надо, если кто сунется подсматривать, получит в глаз! Всем все ясно?

– Ясно, понятно, хорошо... – слышался разноголосый ответ.

В танке я, когда за инструментами лазил, заметил старый комбез, даже быстро его развернул. Был он старым, ношенным, но чистым и вроде целым, а главное, по размеру мне

подходил. Воевать в танке в юбке – не, это удовольствие не для меня; если хотите и вы мазохисты, то сами в юбке воюйте, а я как-нибудь перебуюсь. Так что залез в танк и, скинув юбку, быстро надел комбинезон.

Позвал своих тимуровцев. Они мигом залезли в танк и стали его осваивать. Кстати, попросил всех представиться, а то ведь в экипаж их взял, а имен не спросил. Вот ведь почти по анекдоту: совместно проведенная ночь еще не повод для знакомства.

Итак, по порядку. Механиком оказался Сергей Никифоров, его отец – заведующий МТС. Радист – Игорь Кацман, сын работника торговли, ну кто бы сомневался. Наводчик – Рома Томский, сын командира противотанковой батареи «сорокапятков», так что он действительно орудия знал не понаслышке. Пацаны, они пацаны и есть, и оружие для них – это самые лучшие игрушки. Устройство 53-К (в просторечии «сорокапятка» или «прощай, Родина») он выучил досконально и даже несколько раз был за наводчика на учебных стрельбах, так что хотя бы минимальный опыт у него был. Заряжающий – Толя Сорокин, сын инженера-строителя. Всех их вой на выгнала из дома и разлучила с семьями.

Не меньше получаса мы осваивали КВ, излазили его весь и даже провели небольшую тренировку, после чего, наконец, тронулись с места. Кстати, в КВ оказалось восемьдесят семь снарядов, двенадцать дисков-банок к ДТ, два ящика патронов к ним и даже десять гранат Ф-1. Вот это меня удивило:

оставить такую ценную вещь, как хорошая граната... Хотя она и весит почти полкило, но ведь, зуб даю, бывшие владельцы танка отнюдь не на своих двоих отсюда убрались. Или все же пешком? Сомнительно как-то. Или все же танк встал, и они попытались его отремонтировать, хотя инструмент на месте был, да и плиты моторного отсека тоже.

Ну и черт с ними, чего я себе голову буду такой ерундой забивать. Вот продовольственный НЗ они забрать с собой не забыли. БК есть, почти полный, соляры тоже километров на сто хода минимум будет, баки почти полные, тут все от дороги зависеть будет.

Откинув крышку люка (жаль, что он на КВ только один), я высунулся из башни и стал обозревать окрестности. Обзор из танка довольно ограничен, это несмотря на многочисленные приборы наблюдения, а потому вне боя лучше самому смотреть; к тому же авиацию противника внутри не услышишь и не увидишь, пока тебя бомбить и штурмовать не начнут. Немецкие штурмовики свое дело хорошо знали, так что в случае чего нам не поздоровится: на раз в танк или рядом с ним бомбы положат.

Взревев своим дизелем и выпустив облако черного и вонючего дизельного выхлопа, КВ, слегка дернувшись, тронулся с места – все же Сергей действительно оказался хорошим мехводом. Таким образом мы проехали около десяти километров в сторону фронта, который был совсем близко – судя по грохоту канонады, не более чем в паре десятков километ-

ров. Мы-то шли от границы пешком, когда эвакуировались, а за день особо много не прошагаешь.

Мы только достигли небольшой рощицы, когда нам навстречу вылетели три полуторки с красными крестами на бортах. Они гнали как оглашенные, а в километре от них пылили несколько мотоциклов и столь знакомые мне по фильмам гробы двух бронетранспортеров.

Нырнув вниз, я коротко скомандовал:

— К бою! Толя, осколочный заряжай! Сергей, к краю рощи в кусты и глуши мотор.

Соляру, а главное моторесурс, стоило беречь: это не моя родная семьдесят вторая ласточка, тут дизель еще капризный и не очень надежный.

Полуторки промчались неподалеку, похоже, даже не заметив нас. Через пару минут приблизились немцы. Подпускать их в упор я не хотел: пехотного прикрытия у нас нет, а ну как подползут вплотную и гранатами гусеницы перебьют, и пипец котенку. Потом можно даже артиллерию не ждать, достаточно просто развести под танком и на моторном отделении пару костров, и мы с нашей пушкой и аж тремя пулеметами хрен им что сделаем, они в мертвой зоне будут.

Первый выстрел пришелся среди мотоциклистов; сразу три мотоцикла опрокинуло, а один из них даже загорелся. Два оставшихся свернули в стороны, а я приказал перенести огонь на бронетранспортеры. Мы стреляем с места, а бронетранспортер едет довольно медленно, да еще нам навстречу

под небольшим углом, и дистанция кинжальная. Тут он за время полета снаряда не больше метра проедет, а потому второй снаряд, поставленный на фугасное действие, попал ему, считай, в лоб.

Оставшаяся пара байкеров, увидев такой расклад, попыталась удрать; они развернули свои мотоциклы и рванули назад. Стрелять по ним из пушки я запретил: снаряды надо экономить, где и когда мы сможем пополнить их запас — неизвестно. Зато в дело включился курсовой пулемет. Стрелять из жестко закрепленного пулемета, когда отдача отсутствует, — одно удовольствие. Игорь Кацман бил короткими очередями и на четвертой или пятой наконец-то накрыл один мотоцикл.

Я четко видел в свою панораму, как оба немца получили дырки в спине и кубарем покатались со своего мотоцикла, а Игорь переключился на второй мотоцикл. Далеко они не ушли, прицел на ДТ был кратности 2,5, так что полкилометра не являлись для него большой дистанцией. Оставшийся бронетранспортер все это время пытался подавить нас пулеметным огнем, видимо, приняв нас за орудие. Танк встал за густыми кустами в тени и с яркого солнца был почти не заметен в зелени леса. Еще один выстрел фугасным снарядом — и разведгруппа немцев (а ничем иным это быть не могло) в полном составе отправилась в ад.

Группа военфельдшера Ирины Гоголевой, забрав на пе-

редовой раненых, направлялась в медсанбат, когда внезапно сзади появились немцы. Немного – пять мотоциклов и два бронетранспортера, но все же. Они еще издали обстреляли три ее машины из пулеметов и устремились в погоню. Раненые в кузове стонали и матерились, так как от скорости их бросало по кузову из стороны в сторону, но замедлить ход означало погибнуть. Немцы их не догоняли, но и не отставали, хорошо хоть, что дорога петляла, и толком прицелиться было невозможно, особенно с мотоциклов.

Вон впереди показалась небольшая роща, а за ней дорога шла прямо, и не свернуть некуда будет. Проскочив рощу, машины рванули дальше, а сзади сначала внезапно раздался звук орудийного выстрела, спустя десяток секунд второго, а затем короткие пулеметные очереди и еще звук выстрела. Потом все стихло.

Оглянувшись назад, Ирина увидела только столб дыма от чего-то горевшего, и больше ничего. Роща закрывала обзор, так как дорога слегка ее огибала и полностью закрывала видимость, но сзади так больше никто и не появился. Пронесло, облегченно подумала она. Видно, в роще было какое-то наше подразделение, которое и встретило немцев огнем. Наверное, артиллеристы, раз орудие стреляло.

Пережив по дороге еще один короткий налет «мессершмиттов», который, к счастью, прошел без потерь (видимо, немцы уже возвращались назад, и у них заканчивалось топливо, так как они сделали всего один заход), группа довезла

раненых до медсанбата.

Похоже, что немцев мы положили всех, а теперь самое приятное – мародерка свежих трофеев. Я приказал завести двигатель и подъехать поближе, все же идти почти полкилометра не стоит. Да и чем черт не шутит, может, там еще недобиток какой есть, а получить пулю по-глупому как-то неохота.

Личного оружия у нас нет, так что в случае чего даже не защититься будет, а танк далеко.

Первым делом подъехали к мотоциклистам, танк поставили между ними и бронетранспортером, чтобы он нас защищал, и башню повернули. Романа и Толю с Серегой я оставил в танке, а сам с Игорем вылез наружу. Один мотоцикл горел, и взять с него было нечего, зато два других были относительно целы.

Первым делом подобрал винтовку одного из немцев, проверил патрон в патроннике и только тогда, облегченно вздохнув, приступил к потрошению добычи. Игорю приказал взять вторую винтовку у другого немца и охранять. С мотоциклов сняли пулемет (жаль, второй горел, так что толку от него не будет) и пару цинков с патронами для него. Также нашли приличное количество продуктов: Банки разнообразных консервов, галеты и даже пару порядочных шматов сала и пару кругов домашней колбасы.

С немцев мы сняли амуницию, два неплохих плоских

штык-ножа в ножнах к их винтовкам, выгребли все патроны, стянули сапоги. А что, обувь на войне – вещь важная, самому не нужна будет, так сменяю на что другое. Особо порадовали фляжки и термосы – вещь при походной жизни просто незаменимая, а они у немцев плоские и удобные.

Минут десять мы потрошили мотоциклы, а затем перешли на другую сторону и приблизились к бронетранспортеру. Он, к счастью, не загорелся. Я осторожно заглянул внутрь – там лежали с десятков тел. Вот одно едва заметно пошевелилось. Решив не рисковать, я присоединил штык к винтовке и по очереди ткнул им каждое из лежавших там тел, чтобы не тратить зря патроны. Трое слегка дернулись при этом, а Игорь вдруг резко отвернулся в сторону, и спустя секунду послышались звуки рвоты.

Я обернулся к нему и, дождавшись, пока он проблется, спросил:

– Игорек, ты чего?

– Надя, они же еще живые были, раненные, а ты их так спокойно всех штыком проткнула.

– Ах ты, сопляк паршивый, гуманист хренов! – вызверился на него я. – Я их, между прочим, на блины к себе не приглашала, это они к нам вторглись и бомбят наши города, охотятся на беженцев! И я после этого должна их жалеть?!

Блин, про себя я все равно думаю в мужском роде, а вот когда говорю, то приходится каждый момент контролировать себя, чтобы говорить только в женском роде, а то ведь

если скажу в мужском, то не поймут. Вот ведь головная боль. Этот гуманист стоял с понурым видом.

— А ну, живо давай вытаскивай этих уродов наружу! — приказал я ему.

Хотя вытаскивать нам пришлось на пару. Жмурики были мужиками крепкими, и нам (мне, пускай уже и взрослой, но девушке отнюдь не крупной, и ему, еще, по сути, подростку, тоже не отличавшемуся телесной статью) было проблематично вытаскивать из нутра бронетранспортера этих кабанов. Ведь если их не вытащить, то и саму машину толком не обыхнешь и их не обшмонаешь. Мы только старались не вымазаться в их крови, хотя на пол ее натекло прилично.

Я себе взял «вальтер» командира в кобуре с запасной обоймой и неплохой бинокль. Еще было два автомата, а остальное — винтовки и еще один пулемет. С десятков различных часов — а что, время тоже надо знать, а откуда могут быть часы у пацанов, когда они в этом времени есть не у каждого взрослого. В общем, выпотрошил я бронетранспортер основательно. Из оружия с собой взял только оба автомата, оба пулемета и одну винтовку, все патроны, что мы нашли, все сапоги — места много не займут, а пригодиться могут. Опять же, все фляги и котелки, прилично жарчки и даже несколько бутылок со спиртным, там вроде даже коньяк был. Короче, личное оружие какое-никакое, а есть.

У меня пистолет, еще два автомата, винтовки и оба пулемета. Можем ведь и не успеть вытащить, но если время бу-

дет, то мы, пожалуй, на себе все и не утащим, особенно если еще и ДТ забрать. Особо меня порадовали двадцатилитровые канистры: про соляру забывать нельзя, вдруг попадется где-нибудь возможность ее достать, а заливать некуда. А тут по канистре с мотоцикла, и четыре оказались в бронетранспортере, так что в итоге шесть штук, а это уже сто двадцать литров. Второй бронетранспортер принес не меньше трофеев: еще один «вальтер» и один автомат, а также две канистры и еще продукты. Два пистолета и три автомата вполне сойдут за личное оружие.

Обшмонав все, мы вернулись в рощицу. Торчать тут на виду я не хотел, а жрать уже хотелось основательно, а в рощице и родничок был. Короче, поставив наш КВ под раскидистым деревом и набросав на него еще несколько срубленных молодых деревьев, занялись обедом. Развели небольшой костерок и повесили на него котелок. Среди трофеев оказался рис, вот его я и решил засыпать в котелок. Готовится он быстро, а потом просто добавить тушенку из консервов – и сытный обед готов.

После обеда отдыхали, но не пузом кверху. Игорь разобрался с рацией, я с остальными чистил оружие. Пришлось слегка поломать голову, разбирая трофейные автоматы и пулеметы. Но справились и почистили их, а потом собрали – и о чудо! – лишних деталек после сборки не осталось.

Двигаясь к фронту, мы на развилке повернули налево, а когда шли пешком, то прошли по правой дороге и через

несколько километров от перекрестка наткнулись на нашу уничтоженную небольшую танковую колонну. Приткнув КВ рядом, слегка повернули башню, откинули люк и опустили пушку, так что сверху был вид брошенного танка у разбомбленной колонны. Сама колонна была крайне разношерстной: там были и два КВ, и штук пять «тридцатьчетверок», и почти два десятка БТ, и Т-26. Легкие танки меня не интересовали, а вот КВ и Т-34 – совсем другое дело. Калибр у них одинаковый, да и двигатели тоже, так что пожить там есть чем.

Сначала внимательно осмотрел все танки снаружи. Слава богу, но оба КВ и три «тридцатьчетверки» не взорвались и не сгорели. Все они имели в основном повреждения ходовой разной степени тяжести. На одной «тридцатьчетверке» снесло ведущую звездочку, а так все было в порядке. Эх, была бы это не «тридцатьчетверка» первого выпуска, пускай уже и с орудием Ф-34 вместо Л-11, но еще с маленькой башней на двух человек. В КВ все же просторней, и мне не надо самому исполнять две роли – наводчика и командира танка. Пускай он и менее маневренный и тяжелей «тридцатьчетверки», зато броня почти в полтора раза толще: на Т-34 – 45 миллиметров, а на КВ – 75 миллиметров.

В танках мы нашли много полезных нам вещей – а хотя бы старую форму и комбинезоны. На себе таскать не надо, вот экипажи и хранили их на всякий случай. Так что переоделись все. Больше всего я обрадовался шлемофонам, а то периодически кто-то из нас поминал чертей на очередном

ухабе, когда бились головой о броню, и на наших головах появлялись новые шишки и ссадины. Вот теперь внешне мы настоящие танкисты в комбинезонах и шлемофонах.

Пополнили наш боекомплект до максимума (сто сорок четыре снаряда) и залили соляркой баки и канистры. В одной из машин оказался ручной топливный насос, и это было настоящее счастье. Попробовал бы кто-то из вас при переливании топлива отсосать его ртом из шланга – дрянь редкостная, а солярка еще и жирная в придачу.

Из танков мы вытащили в общей сложности около трехсот снарядов. С собой их, к сожалению, взять мы не могли, просто некуда было их грузить, но складировали их рядом, за небольшими кустами. Брезента на танках было много, вот мы и расстелили один кусок на земле, сложили на него снаряды, прикрыли другим куском и навалили сверху веток. Сделали такую заначку, а то кто его знает, как там жизнь дальше повернется. Взяли еще восемь дисков к пулеметам, так что теперь их было двадцать.

Вот так, в хлопотах, и день подошел к концу. Трогаться на ночь глядя я не захотел, а потому устроили привал с дежурством. Поужинали и отправились спать. Правда, каждому пришлось отстоять около двух часов на посту, но выспались нормально.

Глава 2

Утром мы проехали еще километров десять, к счастью без налетов, когда, наконец, встретили наших. Они, закопавшись в землю, отбивали немецкую атаку, а на них перли около двадцати немецких танков и пехота позади. Подъехав к маленькой рощице примерно в полукилометре от позиций, мы встали. До немцев с километр, а мы за небольшим бугорком, который скрывает низ танка вместе с гусеницами, наше самое уязвимое место, а сверху только башня с орудием торчит.

– Бронебойный заряжай! – скомандовал я Толе. – Рома, а ты наводи на крайний левый танк и затем по очереди иди к правому флангу.

Мы стояли немного в стороне от направления атаки, и левый фланг был самым дальним от нас. Хорошо, что сейчас у немцев нет «Тигров» и «Пантер», а то нам пришлось бы кисло. Я тогда, наверное, вообще в бой не вступил бы или максимум замаскировался бы и приказал бить по ходовой, а то в лоб их с такого расстояния мы бы не взяли. Ну, может, еще «Пантеру» – да, а с «Тигром» – это дохлый номер.

Сейчас нам противостояли легкие и средние танки. Мой КВ для них полностью неуязвим, они могут мне только ходовую повредить, ну или, при удаче, орудие, а броня башни и корпуса для них полностью непробиваема. А для моей

Ф-34 полтора километра до самых дальних немецких танков проблемы не составляют. У них там броня может составлять максимум миллиметров пятьдесят в лобовой проекции, а это нам вполне по зубам.

– Начали!

Ромке в среднем надо было сделать два-три выстрела, чтобы поразить немецкий танк, наводчик-то он начинающий. Я ему, конечно, объяснил, как надо правильно наводить, и даже дал раз десять выстрелить, когда мы снаряды в танках нашли, но тут стрельба по движущейся мишени. Мог бы, конечно, и сам сесть за наводчика, но это сейчас, а в маневренном бою как быть? Да и Ромке учиться надо, вхолостую стрелять мы не можем, снарядов для этого не так много. Вот пускай, считай, в полигонных условиях, учится, пока есть такая возможность.

Немецкие танки вспыхивали один за другим, на некоторых рвался боекомплект, и тогда взрывом срывало с погона башню. Атака застопорилась... Ромка не спешил и старался тщательно прицелиться, а потому стреляли мы довольно редко – примерно три выстрела в минуту. Но и этого было достаточно: когда поддерживающие тебя танки с пугающей скоростью начинают методично взрываться один за другим, то об атаке уже не думаешь.

Немцы нас нащупали уже через несколько минут боя и открыли сильный огонь, так что регулярно танк слегка вздрагивал от очередного попадания в башню. После того как

взорвался седьмой танк, немцы стали отходить, но мы своего огня не прекратили и успели подбить еще шесть танков, прежде чем они скрылись из вида.

Очередная атака на позиции роты должна была стать последней. В строю было меньше половины состава, две приданные роте противотанковые «сорокапятки» были уничтожены еще при прошлой атаке, но и они подбили пять танков. Старший лейтенант Горелов ждал, пока немецкие танки приблизятся к окопам, тогда можно будет закидать их немногочисленными гранатами и бутылками с зажигательной смесью, а точнее бензина, смешанного с маслом. Это сами бойцы придумали и сделали.

Немецкая волна неумолимо приближалась, когда внезапно шедший слева самый крайний танк остановился и загорелся. Спустя минуту лишился башни его сосед. В шуме боя Горелов не сразу вычленил справа звуки орудийного выстрела, с регулярной периодичностью раздававшиеся из малюсенькой рощи сзади. Обернувшись и наведя на это недоразумение свой бинокль, он разглядел вспышку выстрела и пару рикошетов от башни стоявшего там танка. КВ, узнал он грозную боевую машину.

Танкисты не ринулись очертя голову в бой, а спокойно встали и открыли огонь с места, причем весьма результативный. Немцы, не выдержав убийственного огня, стали отступать, а на поле боя осталось тринадцать новых костров из их

уничтоженных танков.

Противник, не выдержав убийственного огня, отошел, бой закончился, а мне предстояло решить, где спрятать танк. То, что фрицы оставят это без последствий, можно было не надеяться. Думаю, уже сейчас они вовсю ябедничают начальству про плохое поведение русских, так что авианалет или артиллерийский обстрел будет обязательно. Место, откуда мы вели стрельбу, они засекли, так что по рощице наверняка ударят. Двигаться в чисто поле к нашим траншеям тоже нет смысла, там укрытий нет. А вот слева в полукилометре стоят несколько деревьев – пожалуй, сгодятся.

Быстро подобрав и закинув на танк срубленные взрывами ветки деревьев, мы двинулись туда. Ехать недалеко, с полкилометра всего. Там встали и, сразу вбив в землю колья, стали натягивать маскировочную сеть: парой их мы разжились в уничтоженной колонне. Ветками замаскировали танк спереди, так что обнаружить нас сейчас довольно трудно.

Только мы успели закончить, как сначала появилась девятка пикировщиков, которые проутюжили покинутую нами рощицу, а потом ее еще и из артиллерии причесали; досталось немного и нашим в траншеях. Короче, вовремя мы отсюда смылись. После завершения обстрела к нам от позиций отправились несколько человек. Это оказались командир роты с комиссаром и пара бойцов.

После окончания боя неизвестные танкисты выехали из рощицы и отъехали на полкилометра в сторону, встав между деревьями. Они споро вбили в землю колья, на которые натянули маскировочную сеть, при этом использовали свой танк как лестницу. Только они успели закончить, как появились такие ненавистные «лапотники» и принялись бомбить рощу, а затем начался артналет. В этот раз было полегче, так как бомбардировщики бомбили не их позиции, а рощу, из которой вели огонь танкисты. Затем артналет тоже разделился, и в итоге почти никто от обстрела не пострадал – так, несколько легкораненых и ни одного убитого.

После налета, получив доклады о потерях, Горелов вместе со своим политруком Петровым и парой бойцов отправился к танкистам, которые не спешили представиться.

Экипаж кашеварил, над небольшим костерком висел котелок, от которого доносились аппетитные запахи. При приближении лейтенанта танкисты встали. Среди них, к своему большому удивлению, Горелов увидел женщину, или, если быть точнее, молодую девушку. Достаточно высокая для женщины, с большой грудью, которую не мог скрыть комбинезон, и довольно миленькая лицом. Горелов недоуменно переводил взгляд с одного танкиста на другого. Перед ним стояли подростки, лет по шестнадцать-семнадцать, и молодая девушка лет восемнадцати-двадцати.

– Ну спасибо, выручили! – поблагодарил он, наконец, танкистов. – Кто сами-то будете?

Вперед, к его дальнейшему удивлению, вышла девушка.

– Добровольцы мы, товарищ старший лейтенант.

– А танк? – И Горелов в недоумении еще и показал на него рукой. – Не слышал я, чтобы таким юным добровольцам сразу давали тяжелый танк.

– А... Так это мы брошенный и неисправный танк нашли, отремонтировали его и пошли на нем в бой.

Тут лейтенант заметил, что у танкистов были три немецких автомата.

– А это откуда?

– Да пришлось немецкую разведгруппу на ноль помножить.

– Что сделать?

– На ноль, говорю, помножить, уничтожить то есть. Пять мотоциклов и два бронетранспортера. Они за нашими машинами с ранеными гнались. Вот мы их и расстреляли спокойно, а потом с них все и сняли, а то нам личное оружие тоже нужно. Товарищ старший лейтенант, разрешите дать вам один совет.

– Совет? – Горелов уже с улыбкой глянул на девушку. Ну какой совет может дать кадровому военному молодая девушка? Пускай она даже очень удачно помогла им отбить немецкую атаку, но что она может ему посоветовать? – Ну, дайте совет, прелестная незнакомка... Вы ведь до сих пор так и не представились.

– Извините. Меня зовут Надежда Нечаева. А совет такой:

вы понесли большие потери, людей осталось мало, тяжелого вооружения у вас, похоже, тоже почти не осталось, патроны могут быть на исходе, так что следующую немецкую атаку вы можете и не отбить. Там, на поле, – она рукой указала лейтенанту на поле боя, – стоят немецкие танки, минимум штук шесть не сгорели. А из каждого танка вы можете извлечь по два-три ручных пулемета, да и среди пехоты, думаю, минимум несколько штук найдется. Соберите с трупов все патроны, и наверняка на пару атак вам этого хватит, а ваша огневая мощь основательно возрастет.

Горелов теперь уже с искренним изумлением глянул на девушку. Мало того что довольно красивая, так еще и действительно дельный совет дала.

– Что дальше делать думаешь, красавица? – спросил он.

– А что делать? Воевать, конечно. Только, товарищ старший лейтенант, я сама решу, как мне воевать. Не обижайтесь, но опыта по взаимодействию с танками у вас нет, а погибнуть по-глупому из-за чужого незнания я не хочу. Сколько смогу – помогу, только действовать буду сама и в глупые атаки кидаться не стану.

– А почему глупые?

– Так без прикрытия, без данных разведки о силах немцев, кто и где стоит, без арт- и авиаподдержки идти в атаку – значит угробить свою технику. Мой КВ, конечно, бронирован хорошо, но и его при умении (а немцы солдаты умелые) можно подбить или хотя бы повредить, лишить его хода. А

потом добить танк будет достаточно легко.

Они проговорили еще минут десять, после чего Горелов с сопровождающими ушли к себе. Девушка лейтенанту однозначно понравилась: сама такая ладная (эх, завалиться бы с ней на сеновале, но она, похоже, к себе никого не подпускает), да и вещи дельные говорит.

До вечера немцы больше не шебуршились – так, провели небольшой артобстрел позиций и затихли. А мы отрыли небольшой капонир, чтобы только гусеницы скрыть, и приготовили ужин. Кстати, пехота поделилась с нами трофеями. Все оружие они забрали себе, все спиртное, учитывая наш возраст, также прошло мимо нас, зато едой и особенно шоколадом поделились щедро. А мне что, пионеры до спиртного еще не доросли, а я и у себя до него охотником не был. Вот шоколад – другое дело, легкий и калорийный, если что, за НЗ сойдет.

Потом был поход в кустики. Вот ведь блин, просто отлить в проблему превращается: вместо того чтобы просто расстегнуть ширинку, теперь приходится развязывать клапан комбеза и приседать на корточки, чтобы пожурчать. Не, узнаю, кто так надо мной пошутил, точно урою падлу!

Ночевать я остался в танке, а ребята снаружи, они и дежурство между собой распределили. Повозившись немного, я улегся поудобней, а тут какое-то томление внизу живота, аж мочи нет. Ну и запустил себе руку между ног, ну, туда. Подпустить к себе кого из мужиков – да ну нахрен, не до-

ждутся. А самому еще пойдет, противно, но иначе с ума сойду – физиология, мля.

Короче, шибануло меня, едва стоны сдержал, чтобы ребят не напугать или не возбудить – тут как у кого получится. А потом пара минут наслаждения, и отпустило. Видимо, не зря мужики шутят про недотрах баб, тут на своей шкуре это испытал. Но все равно какая-то раздражительность появилась, и низ живота слегка болеть начал. Съел, что ли, что такое? И тут меня память Нади долбанула – месячные, будь они неладны, женское проклятье. И ведь в наше время для этого всякие там тампаксы и прокладки с крылышками на каждом углу, а сейчас? Во, блин, попал, убить того мудака мало. Память услужливо сообщает: тряпочки в узелке, который я с собой в танк кинул.

Да... Чувствую я, что ребятам в ближайшие несколько дней не позавидуешь: все стало раздражать. Вот отсюда и рассказы про баб-стерв. Утром, когда удалился в кустики, закапало, хорошо хоть, что тряпочки с собой взял. Вот, пользуясь Надиной памятью, и положил их как и куда надо, а то сам бы хрен справился. Да, была у меня в той жизни женщина, и не одна, вот только мне и в голову не могло прийти интересоваться у нее, как, что и куда совать в таких случаях.

После завтрака сидели на позиции и ждали противника. Ровно в десять небольшой артналет, а затем новая атака. Мы на землю брезент под орудие постелили, а сверху маскировочную сеть и ветки; сам танк не видно и выстрелы орудия

его не слишком демаскируют. Короче, немцы так и не поняли, откуда мы по ним стреляем. Сама атака была так себе, жиденькая, и они быстро сдулись, а потом в их тылу послышалась стрельба. Это выходил из окружения небольшой отряд 6-го мехкорпуса генерал-майора Хацкилевича.

Со стороны немецких позиций показалась небольшая колонна из наших танков и нескольких машин. В основном это были разные модели БТ, несколько Т-26 и пара Т-34. Шесть полуторок с бочками везли топливо, вот только какие из бочек были пустые, а какие полные, было неизвестно. Вот колонна добралась до позиций нашей пехоты и ненадолго остановилась. С одного из танков соскочил танкист и о чем-то коротко переговорил с лейтенантом Гореловым, потом он махнул рукой в нашу сторону. Танкист подошел к полуторке, где в кузове сидели люди, видимо, что-то им сказал, и колонна двинулась уже к нам. Хотя дорога лежала в стороне, но сейчас, во время жары, земля была твердой, и даже полуторки довольно легко ехали по полю.

Мы с интересом смотрели на приближающуюся к нам небольшую механизированную колонну, пока она не встала рядом с нашими деревьями. Из танка БТ-7 вылез капитан и подошел к нам, вместе с ним подошли и пять танкистов, спрыгнувших с полуторки.

– Капитан Борисов, – представился мне танкист. – А вы, как я понимаю, и есть Надежда Нечаева?

– Да, это я, а что?

– Мы забираем ваш танк себе.

– И на каком это основании, хотелось бы знать, товарищ капитан?

– На основании того, что вы не являетесь военнослужащими РККА, а следовательно, не имеете права водить этот танк.

– Этот танк был брошен экипажем с пустяковой поломкой. Я отремонтировала его, собрала экипаж и довольно успешно воевала на нем, а теперь не имею на него права?

– Не имеете. Сейчас мои бойцы заберут его, а вы лучше двигайтесь в тыл.

Что называется, приплыли, вот и подкрался к нам незаметно со спины северный пушистый лис. Ну нет на свете справедливости! Спрашивается, и на фига я тогда корячился с этим КВ?! Чтобы его у меня самым наглым образом по полному беспределу отжал в свою пользу первый попавшийся капитанишка? И ведь главное, я даже не могу права качать: у него слаженное подразделение, а я, вернее мы с пацанами, как бы сами по себе, и даже не бойцы доблестной рабоче-крестьянской армии. Вот облом, блин!

Ладно, подавитесь, суки, починил этот КВ – починю и другие. Воевать на чем-либо другом я не хотел. Вот если бы был Т-34-85, но до него еще почти три года, а нынешние «тридцатьчетверки» с экипажем в четыре человека меня не привлекают. Про легкие танки разговор вообще не идет. Т-26 – полный отстой, броня никакая, медлительный и ору-

дие слабое. БТ уже лучше, по крайней мере, они хоть быстрые, но тоже со слабой броней и орудием. На БТ только в разведку ходить да по немецким тылам партизанить, а в обороне или атаке их немецкие танки легко уничтожают. Значит, возвращаемся к той разбитой колонне и в ударном темпе восстанавливаем еще один танк, желательно КВ, на крайний случай Т-34.

Видя, что танк не отстоять, мой экипаж сноровисто вытащил из него все оружие и сидоры с припасами. Увидев трофейное оружие, капитан попробовал и на него наложить свои загребушие грабки, но тут я встал намертво, заявив ему: что с боя взято, то свято. Танк он имеет право забрать, а личное оружие – нет. Мы добровольцы, и это оружие взяли в бою, оно на балансе танка не числится, и хрен он его получит.

Ромка даже демонстративно немецкий МГ наизготовку взял, правда, в сторону капитана его не направил, но все же. Что-то недовольно пробормотав себе под нос, танкист был вынужден отступить. Новый экипаж полез в наш танк; мне стало обидно от этого, но ничего поделать я не мог. Правда, капитан предложил следовать с ним, пока не достигнем ближайшего населенного пункта, но я отказался, недовольно буркнув ему в ответ, что сами доберемся. Так хотелось ответить ему от всей широты своей души, чтоб его, козла этакого, до печенок пробрало, но нельзя.

Задерживаться тут колонна не стала, а сразу же, отжав се-

бе наш КВ, тронулась в путь. Мы тоже задерживаться не стали: роту лейтенанта Горелова мы своим присутствием особо не усилим, а вот с танком будет совсем другое дело. Кроме того, надо поторопиться: неизвестно еще, сколько нам потребуется времени на ремонт, а без поддержки рота Горелова долго тут не продержится. Подкрепления им вряд ли пришлют, а мы остались без своего танка, и теперь Горелову предстояло сражаться с немцами в одиночку и без артиллерийского прикрытия. Ремонтировать танк, когда мимо попрут немцы, было опасно, так что стоило поспешить.

До уничтоженной колонны мы шли три часа по палящему солнцу, нагруженные как ишаки. Оружие, боеприпасы и продукты весили немало; это раньше мы их в танке возили, а теперь, когда пришлось переть на своих двоих, они с каждым километром весили все больше и больше.

Вот мы и пришли, даже не верится. Скинув все рядом с парой стоявших рядом КВ, мы дружно присосались к фляжкам. Когда потрошили дохлых фрицев, то взяли себе по две фляжки: мало ли что случиться может, да и по такой жаре одной фляжки явно будет мало. Хорошо еще, по дороге смогли наполнить их свежей водой из лесного ручейка. Она пока еще химией не отравлена, так что ее можно пить безбоязненно.

Тщательный осмотр показал, что на одном из КВ разбита ведущая звездочка. Двигатель на нем завелся с первого раза, башня свободно крутилась, и орудие тоже оказалось в

порядке. Просто, прежде чем начинать ремонтировать танк, стоило убедиться, что все остальное в нем в порядке. Было бы очень обидно промудохаться, меняя ему ведущую звездочку, чтобы потом оказалось, что в машине еще что-то не в порядке.

Игорька Кацмана, как самого задохлистого, я посадил в дозор, чтобы нас не застали тут со спущенными штанами. Неизвестно, сколько там еще продержится Горелов, да и с других направлений немцы вполне могли подойти. Вчера же ведь откуда-то появилась их разведывательная группа, которую мы потом уничтожили под корень. Почти час ушел на то, чтобы снять звездочку: пока открутили все болты, а закручивали их на совесть, да и инструмент поискать пришлось, наш-то вместе с танком уплыл. Короче, сняли мы остатки искореженной звездочки, еще счастье, что только ее покорежило, а вал остался цел.

Затем мы снимали звездочку со второго КВ, умудохались основательно, потому решили сделать перекур да заодно и пообедать, а то уже в животе громко урчало. Готовить нам было некогда, а потому трофейные галеты и тушенка составили наш обед, и вполне неплохой, кстати. Еще с полчаса после перекуса отдохнули, чтобы обед хоть немного переварился в спокойной обстановке, и приступили к завершающей стадии. Ставить ведущую звездочку было легче, чем ее снимать, но затягивали болты мы тоже на совесть, а потом натягивали на колеса гусеницу.

Сергей залез на место водителя, завел двигатель и осторожно тронулся с места. Танк проехал несколько метров и остановился, а Серега высунулся из люка и помахал нам рукой. Мы слили соляру со второго КВ и «тридцатьчетверок»; хорошо, что в прошлый раз слили не все, и сейчас подобрали остатки и наполнили бак своего танка под пробку. Затем мы таскали в танк снаряды из нашей заначки и патроны к пулеметам. Получился полный БК, и еще осталось. Кто его знает, может, и пригодится.

Еще раз осмотрели танк и закинули на моторный отсек здоровенный кусок гусеницы, метра два длиной. Запас, как говорится, карман не тянет, на себе нам ее не таскать, а оставаться в этом районе я не планировал. Снова возвращаться к Горелову я передумал: мы ему помогли, а он нас тупо сдал танкистам Хацкилевича. Неважно, намеренно он это сделал или нет, но итог перед глазами – наш первый КВ просто отобрали. Эх, жаль, трофейные канистры вместе со старым танком остались: куда они нам без танка, мы их на своем горбу не утащили бы. Ну и хрен с этим, еще у гансов отберем. Их тут много шастает, так что будет где затрофеиться. Прихватив с собой еще пару маскировочных сетей из других танков (богато, однако, кто-то жил) и сняв про запас пару ДТ, мы, наконец, тронулись в путь.

Позади нас, как я знал благодаря трофейной карте (которая, кстати, осталась у меня, хрен ее тот капитанишка получил бы), находился город Слоним, вот еще название ин-

тересное... Так вот, через город текла река Щара – как раз довольно удобное место, чтобы подзадержать немцев. Высушившись из люка, я обзирал окрестности с трофейным биноклем у глаз: тут главное и немецкие самолеты вовремя заметить, и самих немцев тоже. Пока мы танк ремонтировали, над нами эти гады раза три пролетали, приходилось каждый раз бросать работу и прятаться за броней от греха подальше. Вот и тут я увидел немцев издалека – четыре темные точки быстро приближались с запада, хорошо еще, что пыли от нас почти не было...

Немедленно скомандовал Сергею съехать в кювет и заглушить двигатель. Башню повернули чуть в сторону и опустили ствол орудия. Мой люк и так был открыт, дополнительно и Сергей открыл свой, а я быстренько поджег промасленные тряпки, которые дали не очень густой дым.

Со стороны и сверху немецкие пилоты должны были видеть такую картину: стоит, съехав в кювет, советский танк с открытыми люками, и из моторного отделения тянется негустой дым; видимо, танк уже догорает. Так оно и произошло, немцы прошли прямо над нами, но не снизились: похоже, действительно приняли машину за подбитый и брошенный танк; сколько их сейчас по дорогам нашей страны стоит – и не сосчитать. Нам повезло, что я заметил немецкие самолеты задолго до того, как они долетели до нас, и успел разыграть перед ними это представление. Главное, что дым был не очень густой, а то в противном случае немцы могли запо-

дозрить обман, когда внезапно из танка повалил бы густой дым.

Подождав, пока немцы скроются из вида, я сбросил с танка горящие тряпки, Серега завел двигун, выехал из кювета, закрыл свой люк, и мы тронулись дальше в путь. Скоро вдали показалось несколько жирных дымных столбов. Приблизившись, мы увидели, что это догорали наши танки и пара грузовиков. Три Т-26, пара БТ и стоявший на обочине мой КВ! Вот долбодятел, даже использовать отобранный у меня танк не смог!

Быстрый осмотр показал, что у КВ близким разрывом бомбы была в ключья изодрана левая гусеница. Сергей на пробу попробовал его завести, и дизель сразу же уверенно замолотил на холостых оборотах, после чего механик заглушил движок. Наш новый танк я приказал поставить рядом со старым, на фоне горящих танков все выглядело гармонично для возможных глаз сверху.

Стянув с КВ поврежденную гусеницу, мы внимательно ее осмотрели и, используя кусок, закинутый на наш новый КВ, стали ее наращивать. Через час старый КВ был снова готов к походу и бою, а у меня возникла проблема буриданова осла. Имеются два исправных и, считай, полностью снаряженных тяжелых танка КВ, а к ним всего один экипаж!

Оставить один танк тут? Да от одной только такой мысли моя жаба уже сомкнула вокруг моего горла свои цепкие лапки, а если попробую оставить второй КВ тут, то точно

задушит, мерзость зеленая. Сесть самому за рычаги второго танка? Так я сейчас не в своем старом теле, в нем никаких проблем не было бы, а в своем нынешнем, женском, я далеко не уеду: рычагами двигать и передачи переключать сила нужна. Хотя, в принципе, до того леса, который начинается в паре километров отсюда, я доеду. Маленько помучаюсь вначале, зато потом с постоянной скоростью доеду. Там один танк спрячем до лучших времен, а потом будем поглядеть.

До леса мы доехали и даже еще почти на полкилометра в него углубились. Вот тут пришлось попотеть: это не поле и не дорога, а оставлять за собой просеку из поваленных деревьев и гробить движок с ходовой я не хотел. Пока мы всем этим занимались – танки ремонтировали, ехали, а до того шли, – уже и день стал к вечеру клониться. Устали мы сильно, все же пришлось и поработать ударно, и кувалдами помахать, и тяжести потаскать. Так что на сегодня довольно – баста, карапузики, будет новый день, будут и новые проблемы, а пока надо и отдохнуть от трудов наших праведных.

Накинув на танки маскировочные сети, мы развели небольшой костерчик. Неподалеку от нас оказался маленький родничок; впрочем, удивляться этому было нечего, все же мы в Белоруссии, а тут рек, озер и болот хватает, а вследствие этого и ручейков с родниками тоже. Вода оказалась холодной и вкусной. Мы все напились, а потом зачерпнули ее в котелок и пошли готовить кашу на обед, он же ужин; а то, что было днем – не считается, сойдет за полдник. Закинули

в котелок пшенки, туда же банку тушенки и на костер поставили, вернее подвесили: срубили пару раздваивающихся веток и воткнули их в землю, а на них положили прямую палку с котелком. Второй котелок тоже повесили над огнем и туда сыпанули чаю.

Поздний обед или ранний, но очень плотный ужин вышел на славу. Пшенная каша с жиром и консервированным мясом и чай с сахаром, а также трофейные галеты, которые у нас еще были... Короче, наелись мы до отвала, но нашим молодым организмам это только на пользу – обед на свежем воздухе после того, как мы ударно потрудились. В общем, не потолстеем мы от этого точно. Ребята снова распределили дежурства между собой, а я спокойно продрых всю ночь.

Утром, когда мы готовили завтрак, к нам из леса вышли незваные гости. Сначала слышались осторожные шаги, хрустнули несколько сухих веток под чьими-то ногами. Мы быстро схватили оружие и приготовились в случае чего лезть в танк; правда, в этот момент будем уязвимы: лезть-то надо через башенный люк, а он один.

В это время на нашу импровизированную поляну осторожно выглянул человек в советском танкистском комбинезоне. Увидев нас, он явно обрадовался и воскликнул:

– Привет, славяне!

Следом за ним из леса вышли еще трое в таких же комбинезонах. Продолжая держать их на мушке, я крикнул:

– Старший ко мне с документами, остальным стоять на

месте, иначе будем стрелять!

Подобное отношение их сразу насторожило, но что-либо делать было уже поздно. Оружия я у них не увидел, может, разве что у кого пистолет или револьвер есть, но на виду их не было. Один из них, тот самый, что первым вышел к нам, осторожно приблизился ко мне и протянул свою красноармейскую книжку. «Младший сержант Филиппов», – прочитал я в его книжке.

Довелось мне почитать несколько книг про попаданцев, так что фокус со скрепкой я знал. Скрепка была ржавой, вот с сапогами я не разобрался бы, а так вроде все в порядке. Даже их внешний вид говорил сам за себя: заросшие щетиной лица (явно несколько дней не брились), да и запашок от них уже тоже стал пробиваться, в том числе и от дыма, кроме запаха застарелого пота. Ясно было, что мужики уже минимум пару дней по лесу скитаются.

Кстати, они оказались тоже из 6-го мехкорпуса генерал-майора Хацкилевича. Везет мне на его танкистов. Хотя, с другой стороны, раз корпус тут воевал, то и танкисты в основном будут из этого подразделения. Я вернул танкисту его документы.

Глава 3

– Девонька, – обратился ко мне танкист, – уже сутки как не ели, будь ласка, накорми.

– Сидайте, – только и сказал я.

Потом услал Игорька за водой к родничку, ему и так надо было еще котелки наскоро ополоснуть; ну да из-под чая котелок, считай, чистый, да и из-под каши быстро ополоснет. Если котелок изнутри не подгоревший, то почистить его – минутное дело.

Пока заново готовился завтрак для оголодавших танкистов, я вел с ними разговор.

– И откуда же вы, ребята, топаете? – поинтересовался я у них.

– Да от самого Белостока, считай. Пожгли нас, вот из трех экипажей всего четыре человека уцелело: два механика, заряжающий и я.

– А вы кто по специальности будете? – спросил я его в уважительной форме.

Все же мне на вид всего лет двадцать, а танкисту за тридцатник, видно, что кадровый. Вот только непонятно: почему он до сих пор младший сержант? Если и не старшиной должен быть, то всяко уж сержантом или старшим сержантом.

– Командир танка я.

Понятно, заодно и наводчик, так как приходится совме-

щать две эти должности. Это только в КВ, да в поздних «тридцатьчетверках», которые после 1944 года стали выпускать, командир танка только командует. Про Т-28 и Т-35 я не говорю, мало их, да и потеряют их наши мгновенно.

– Дальше что думаете делать?

– Да что делать? К своим, ясно дело, пробиваться.

– Немцев много сожгли?

– Нет, всего два танка и несколько машин с бронетранспортерами.

– Понятно. Наверно, в лихих атаках лоб в лоб?

– Да, а ты имеешь что-то против этого?

– Разумеется. В такие атаки можно идти только на Т-34 и КВ, имея авиаприкрытие или на худой конец мобильную ПВО.

– Что мобильную? – не понял меня Филиппов.

– ПВО, говорю, мобильную, средства противовоздушной обороны. Например, зенитки мобильные, которые в ваших порядках идти могут и с ходу по противнику огонь открывать. А мы за один день боев тринадцать танков уничтожили и два бронетранспортера с шестью мотоциклами.

– Это как же у вас получилось? – неподдельно удивился Филиппов.

– Да ничего особо сложного тут нет. Сначала бронетранспортеры с мотоциклами расстреляли: они, гады, за нашими санитарными машинами гнались. Потом пехоте помогли, с места немцев расстреливали и на рожон не перли, вот и вра-

га уничтожили, и сами целы.

– Так на таком монстре это легко сделать можно.

– Его тоже подбить можно, особенно если ты один, а противников много. Ходовую разбить, а потом авиацией или артиллерией добить. Или даже если подобраться вплотную, то бутылками с горючей смесью сжечь можно. Тут, главное дело, надо с головой дружить и дуром на немца не переть.

– Девонька, а что ты со вторым танком думаешь делать? Экипаж-то у тебя только на один танк, а их два.

– Пока тут, в лесу, припрячу, потом экипаж ему найду. Пацанов, кому уже по шестнадцать-семнадцать лет, много, они воевать хотят, а их не пускают. А я им такую возможность дам.

– А нас ты в свой расчет не хочешь взять? Мы ведь тоже танкисты, причем кадровые!

– А вы согласитесь мне подчиняться? Я ведь вообще в армии не состою, доброволец на птичьих правах. Вон у меня намеренно этот танк уже раз отобрали на этом основании. Подкатил такой бравый капитан, заявил мне, что я, дескать, в армии не состою, а потому он мой танк себе забирает.

– И что?.. – с неподдельным интересом спросил меня Филиппов.

– А ничего, забрал он мой танк, только личное оружие и отстояли. Однако далеко они на нем не уехали. Вон там, на дороге, видели несколько сожженных танков и машин?

– Видели.

– Вот и наш КВ там стоял с перебитой гусеницей. Бросили они его и дальше драпанули, а там работы было всего на час.

Филиппов задумался. Ему нравилась эта необычная девчонка, и не только своей молодостью и красотой, но и отношением к делу. Он кадровый танкист, бывший старшина, разжаловали его в рядовые год назад, когда он поцапался с новым политруком. Тот, крыса позорная, когда пришел в роту, стал свои махинации крутить и ротное имущество налево пускать, и не скажи ему ничего против. На словах он самый ярый коммунист, а втихаря тырил все что можно, вот и не выдержал под конец Филиппов. Только его самого в итоге и разжаловали; правда, месяц назад снова младшим сержантом стал.

Вспомнил он и свой последний бой, когда они прорывались из немецкого окружения. Лихо выскочив из леса, наши танки устремились в атаку на немцев, и тут сразу же в начале боя БТ Филиппова поймал снаряд в борт, который вывел из строя двигатель. Танк встал, да вдобавок к этому и загорелся, а почти сразу после этого еще один снаряд прилетел ему в башню, пробив ее и убив при этом заряжающего.

Слегка контуженный, Филиппов вылез из загоревшегося танка, рядом выпрыгнул из своего люка механик-водитель. Потом к ним присоединились еще два товарища – единственные, кто уцелел из всего своего экипажа, затем один механик-водитель и заряжающий. Глядя, как нагло движут-

ся вперед немцы, а он бессилен что-либо сделать, Филиппов только молча сжимал кулаки. Может, это и есть его шанс – странная и необычная девчонка, которая сама ремонтирует тяжелые танки и, судя по всему, знает, как надо воевать. В любом случае, лучше пробиваться к своим на грозной и мощной машине, чем плестись без оружия, шарахаясь от каждого звука. В конце концов, уйти он сможет всегда, если ему что-то не понравится.

– Я согласен, – просто ответил Филиппов после небольшой паузы.

Я был несколько ошарашен ответом сержанта: чтобы он, тертый калач, сверхсрочник, оттрубивший в легендарной и непобедимой порядка десяти лет, так просто решил перейти в мое подчинение? Похоже, в Африке слоны подошли. Зато решается моя главная нынешняя головная боль – что делать со вторым танком. Найти для него экипаж еще та задачка. Можно, конечно же, было, как я сержанту и сказал, молодежь в него посадить, только ведь не каждый подойдет, это мне с моими ребятами крупно повезло. Пускай и не танкисты были, но, по крайней мере, представление о своих специальностях имели и какой-никакой, а опыт. А подойди я с таким предложением к любому окруженцу? Так он меня пошлет куда подальше: во-первых, я для него баба, а во-вторых, даже не военнослужащая, так что и говорить не о чем. Теперь надо только еще одного человека в экипаж к сер-

жанту найти, причем наводчика. Единственное, что радовало, так это то, что есть запасной мехвод; без радиста-пулеметчика как-нибудь повоюем, не пропадем, тут почти любого можно взять. А если еще что стоящее по пути попадется? В нашем положении любому ништяку будешь рад.

Танкисты быстро изучили КВ, и мы тронулись в путь. Через час увидели идущих по дороге наших бойцов, семь человек, на всех имелись только две винтовки. Увидев нас, они вначале было бросились в поле, но разглядев, что это не немецкие танки, а наши, вернулись назад и замахали нам руками. Остановившись возле них, я увидел в их петлицах перекрещенные пушки – артиллеристы. Похоже, бог меня сегодня любит. Два наводчика, три заряжающих, водитель и боец из хоззвода. Вот, считай, и полный экипаж для второго КВ, заодно еще один водитель есть и наводчик, да и заряжающие тоже пригодятся.

Вскоре на дороге показалась наша очередная разбомбленная колонна. Мое внимание привлекло разбитое орудие, 76-миллиметровая полковушка УСВ, вернее не она сама, а тащивший ее раньше бронированный тягач «Комсомолец». Быстрый осмотр показал, что тягач цел. Видимо, при бомбежке экипаж с него слинял, а после попадания в орудие бомбы его посчитали поврежденным и бросили. А мне он пригодится. Как раз посадил на него оставшихся артиллеристов, а потом, глядишь, и прицеп для него достану.

К полудню мы въехали в небольшой городок, останови-

лись на его окраине и стали осматривать окрестности. Наших войск в нем не осталось от слова совсем, кроме трех милиционеров и десятка молодых парней из комсомольского истребительного отряда. Оказалось, что наши части еще вчера ушли. Я предупредил, что мы тоже стоять тут насмерть не будем, пустим немцам кровь и уйдем. Я отнюдь не горел желанием пасть смертью храбрых в заштатном городке, задержав ненадолго противника ценой собственной жизни. Моя задача не самому пасть смертью храбрых за свою страну, а заставить это сделать немцев.

«Комсомолец» отогнали за ближайшие дома, чтобы он не отсвечивал тут. У него хоть и броня, но слабая, и пускай даже стоит пулемет ДТ, толку от него в предстоящем бою будет мало, так что пускай там постоит, целее будет. Потом нашли две позиции для КВ: танки оказались прикрыты от наблюдения с воздуха и низ машин тоже был прикрыт, так что ходовую повредить им будет трудно.

После этого устроили перекусон. Народу значительно прибавилось, и почти все наши запасы подошли к концу: еще бы, считай, в три раза больше едоков стало. А что делать? Только дожидаться наших официальных поставщиков различных ништяков, немцев то есть. Они сейчас парни богатые, считай, вся Европа под ними ходит.

Долго скучать нам не пришлось: показались передовые части немцев. По дороге пылила небольшая колонна. Впереди, как и было положено, катили с десятков мотоциклов с коляс-

ками, за ними ехали три бронетранспортера, причем один из них был с малокалиберным оружием, за ними шли шесть легких танков.

Игорек за время ожидания настроил обе радиостанции на КВ и заодно слегка подучил весь экипаж второго танка, как ею пользоваться. Отремонтировать или настроить они, конечно, радиостанцию не смогут, но вот пользоваться ею – вполне. На бэтэшках танкистов радиостанций не было, так что пользоваться ими раньше им не приходилось.

Сначала осколочными снарядами в два ствола причесали мотоциклистов, как самых юрких и мелких. Разрывы осколочно-фугасных снарядов легли точно посреди них; сделав по три выстрела, мы перенесли свой огонь на танки – я с левой стороны, а Филиппов с правой, и от конца пошли к центру. Легкие чешские LT vz.35(t) пробивались нашими бронебойными снарядами на раз. Броня тонкая, ее даже крупнокалиберный пулемет может взять, так что уж говорить про наши орудия. На каждый танк мы тратили по два-три выстрела, зато спустя пять минут все немецкие танки уже пылали, а у парочки даже башни сорвало от детонации снарядов.

На десерт у нас были бронетранспортеры, их тоже прикончили быстро и слегка постреляли из пулеметов по разбегающимся немцам. А после этого настала очередь «Комсомольца». Гонять танки для проверки я не хотел, а «Комсомолец» и броню имеет, хоть и слабую, и пулемет, так что, вооружив

артиллеристов еще нашим трофейным пулеметом и парой запасных ДТ, отправили их на мародерку вместе с бойцами истребительного отряда, а сами остались их прикрывать.

Мои артиллеристы к процессу сбора трофеев подошли основательно: немцев шмонали по полной программе, а немногих раненых без всяких затей добили. Я их об этом отдельно проинструктировал, да и они сами уже успели насмотреться на этих цивилизаторов и излишним гуманизмом не страдали. Только бойцы истребительного батальона сначала начинали возмущаться, но быстро заткнулись. Первыми под мародерку попали байкеры. Те из присоединившихся к нам бойцов, у кого еще не было оружия, подобрали их винтовки, а то ходить тут с пустыми руками все равно было стремно. Временами раздавались одиночные выстрелы – это наши добивали уцелевших гансов.

Кстати, один бронетранспортер оказался цел, близким разрывом снаряда просто слегка посекло броню и убило водителя и пулеметчика, после чего выжившие немцы драпанули из него и были потом добиты нами в поле. Мы его завели, предварительно выкинув из него мертвых водителя и пулеметчика, а затем стали складывать в него все трофеи, в первую очередь оружие и патроны. Затем выгребли все съестное, а также скоммуниздили их фляжки и термосы. Наши бойцы имели стеклянные фляги, а с ними особо не повоюешь: достаточно просто неудачно упасть, чтобы не только саму фляжку разбить, но еще и самому пораниться. Ко-

гда наши трофейщики вернулись, то мы, оставив часовых, принялись разгребать богатые трофеи. И тут к нам подошли еще люди.

Сержант милиции Гладышев был назначен начальством ответственным за соседний район города, ему в помощь дали десяток бойцов истребительного батальона, созданного из городских рабочих. Звук внезапно раздавшегося на окраине городка боя застал его врасплох. Казалось, канонада, доносившаяся довольно громко, еще достаточно далеко, а это происходило совсем рядом. Сначала загрохотали орудия, довольно интенсивно, затем к ним добавились пулеметные очереди. Очень быстро орудийная канонада смолкла, а вместо нее раздавались отчетливо слышимые пулеметные очереди. Но вот смолкли и они, а спустя несколько минут послышались редкие одиночные выстрелы. Все это продлилось минут десять, ну может, пятнадцать, а потом снова слышна была только далекая канонада.

Гладышев со своими людьми направился в сторону закончившегося такого короткого боя: надо было выяснить, что там случилось... Осторожно приблизившись к окраине города, сержант со своими бойцами увидел горящую и подбитую немецкую технику, трупы немцев, разбросанные в беспорядке по полю. У крайних домов стояли рядом наш легкий бронированный артиллерийский тягач «Комсомолец» и немецкий бронетранспортер, а неподалеку высилась громада тяжелого танка КВ. Возле бронетранспортера увидели наших

бойцов, несколько из них были в танкистских комбинезонах, а кроме них – бойцы из этого района во главе с сержантом Краюхиным.

Заметив приближение бойцов истребительного отряда, танкисты окликнули их на подходе:

– Стой! Кто идет?

– Свои! – отозвался Гладышев. – Сержант милиции Гладышев, командир патруля истребительного батальона.

Мы спокойно разбирались в трофеях, которые притащила в трофейном бронетранспортере моя мародерская команда, когда послышался оклик:

– Стой! Кто идет?

И ответ на него:

– Свои!

Обернувшись, я увидел приближающуюся к нам колоритную группу. Впереди шел молодой мент, судя по его петлицам – два треугольника, – сержант, а за ним с десятков мужиков среднего возраста, в гражданке, но с винтовками в руках. В ходе завязавшегося разговора я узнал, что сержанта оставили патрулировать соседний район города, а в помощь ему придали бойцов истребительного батальона.

Позвав всех горожан, я сказал:

– Вот что, товарищ сержант, долго мы здесь оставаться не будем. Еще один бой с немцами, и отходим. А вам, мужики, – обратился я к работягам, – один совет: взяли семьи и

быстро отсюда убрались подальше в тыл. Город мы не удержим, а немцы творят на временно оккупированной территории все, что хотят. Жалости и снисхождения от них ждать не стоит, так что лучше вам всем свои семьи побыстрее эвакуировать и не задерживаться, а то в окружение попадете. Есть еще один момент: то, что вы были в истребительном батальоне, знают многие, так что иуд, желающих выслужиться перед новой властью, найдется достаточно много, сразу донесут, и вас с семьями повесят.

Сержант попробовал было возмутиться, но я его осадил: – Сержант, у тебя глаза есть? Сам видишь, что сейчас творится. В нашей победе я не сомневаюсь, но пока немец сильней. Тебе что, будет легче, если твоя и их семьи погибнут в оккупации? Если нет, то не ставь палки в колеса. Если есть транспорт, то сажайте в него семьи, берите только документы, деньги, продукты и уезжайте поскорей. Если успеете и будет желание, то мы вас немного сопроводим. И не надо мне шить паникерство, сам видишь, как мы немцев поприветствовали, и до этого пару дюжин их техники сожгли. Кстати, начальство твое еще здесь или уже удрало?

Начальство Гладышев, как выяснилось, не видел с прошлого дня, а мужики и молодежь посоветовались между собой и решили последовать моему совету. Спустя полчаса они откуда-то пригнали три полуторки – так себе, в меру покочанные, но на ходу. Собрав семьи, мужики оставили их с машинами на противоположном краю города вместе с нашим

трофейным бронетранспортером и тягачом, а сами с милиционерами во главе остались с нами.

Вскоре впереди показалась туча пыли, которая довольно быстро приближалась к городу. Уничтоженные нами танки уже догорели и только несильно чадили, а им на смену приближались новые товарки. Немецких танков было много, поэтому подпускать их на дистанцию ближнего боя было нельзя: задавят они нас, если мы их близко подпустим. А потому огонь мы открыли с дальней дистанции. Точность была та еще, попасть на расстоянии в два километра по движущемуся танку непросто, но мы попадали.

Немцы, попав под наш огонь, снижать скорость не стали. Нашупали они наше местоположение довольно быстро: хотя наши КВ и были неплохо замаскированы, но вспышки от оружейных выстрелов так просто не скроешь. Вначале они решили, что по ним открыла огонь наша артиллерия, и завалили наши позиции осколочными снарядами. Временами в нас прилетало, но не причиняло нам никакого вреда. Потом до них стало доходить, что обычные орудия уже давно были бы уничтожены.

Дот в таком месте построить не успели бы, а до войны и строить не стали бы, значит, вывод один – танк, вернее несколько танков. За это время они уже из походной колонны выстроились цепью и рванули к нам. Их было около тридцати, но все оказались легкими, в основном трофейными чешскими танками. Им достаточно было одного точного по-

падания: броня тонкая, а наши орудия на данный момент самые мощные в мире. Один за другим останавливались атакующие танки. Кто просто замирал, а кто начинал гореть — тут дело случая, кому как повезет. Но скорость у них достаточно небольшая, так что последние танки мы добили уже перед самыми своими позициями.

Кое-где из подбитых танков выбирались танкисты, по ним азартно стреляли ополченцы, да и мы, закончив расстрел танков (а по-другому это было не назвать), тоже подключились к забаве под названием «подстрели фрица». Снаряды мы для этого не использовали, экономили, всюду стреляя из пулеметов. За этот бой мы вообще расстреляли почти треть боекомплекта; еще один-два таких боя, учитывая и прошедшие, и стрелять нам станет просто нечем. Вот теперь надо думать, как пополнить БК. Хорошо, если найдем где по дороге, но нет никаких гарантий.

Немецкая пехота, увидев показательный расстрел своих танков, вперед лезть не захотела, они чуть отошли назад и запросили поддержку. Мы мародерить уничтоженные танки тоже не стали, не до того было (все равно всем необходимым уже были обеспечены, даже несколькими трофейными ручниками для ополченцев), а только прихватизировали пару уцелевших мотоциклов передового дозора. Пара молодых парней из ополченцев, как оказалось, умели на них ездить, вот и будет у нас собственный передовой дозор. Остаться тут дальше чревато: тут и к гадалке не ходи, а спустя час-два

немцы тут все авиацией раскатают. Получив от нас хороших трендюлей, они напролом лезть не станут, а сначала хорошо тут все обработают авиацией и артиллерией.

Оставив позиции, мы двинулись через город к месту встречи с семьями ополченцев. Город выглядел заброшенным, людей по пути почти не попадалось. Услышав звуки нашего боя, большинство оставшихся в городе жителей попрятались от греха подальше. На противоположной окраине городка около трех полуторок нервно ходили семьи ополченцев, они хорошо слышали звуки прошедшего боя и сейчас с тревогой и нетерпением ожидали известий о его ходе. Все боялись за своих мужей, братьев и сыновей, которые остались с нами, и сейчас, завидев нашу колонну и сидевших в трофейном бронетранспортере и «Комсомольце» ополченцев, они только облегченно вздохнули.

Быстро загрузившись, они присоединились к нашей небольшой колонне, и мы двинулись в направлении Барановичей. Нам надо было проехать чуть больше пятидесяти километров, но по дороге я хотел кое-куда заехать. От прикнувшихся к нам артиллеристов я узнал о складе артиллерийского имущества, бойцы там снаряды и обмундирование получали, вот я и хотел его проведать. Мне и самому нужно было обмундироваться: комбез – дело хорошее, но кроме него нужна и форма. Я, когда комбез надевал, юбку снял, а вот кофту нет, да и нижнее белье нужно, я же теперь, блин, женщина...

Да, и еще один немаловажный момент. Долбаная течка, это женское проклятье, за пару дней меня достала уже выше крыши. Мало того что низ живота болит и настроение такое, что хочется всех вокруг порвать, как Тузик грелку. А еще вонь! Лето, жара, в танке особенно жарко, броня аж раскалена, а мне даже не подмыться, а между ног все в крови, так что амбре от меня идет как от козлихи. Парни, конечно, все понимают, от них тоже пахнет. Но надо ополоснуться (ручей или еще какой водоем найдем), а потом что – снова надевать вонючую и пропотевшую одежду? Так что как минимум две пары нательного белья мне нужны. Причем именно мужского, кальсоны и рубашка, один на себе и второй в запасе.

Склад размещался в лесу, так что шансы, что он уцелел, были достаточно большими. Впереди ехали оба трофейных мотоцикла с ручными пулеметами: по паре ополченцев в каждом, водитель и стрелок с пулеметом в коляске. За ними, на расстоянии около ста метров двигались оба наших КВ, потом «Комсомолец», за ним три полуторки, и замыкал колонну немецкий полугусеничный «Ганоман». До артиллерийского склада мы ехали чуть больше часа. Склад, несмотря на то, что находился в лесу, бомбежки не избежал, но половина строений уцелела, так что я надеялся там затариться.

На складе даже оказалась небольшая охрана – шесть человек с сержантом во главе. Один из часовых с трехлинейкой вышел нам навстречу и преградил дорогу.

– Стой! – скомандовал он нам, когда я высунулся из люка башни своего КВ. Оба мотоцикла уже стояли тут же.

– Боец! Командира ко мне! – приказал я ему.

Но к нам уже и так шел сержант с двумя бойцами. Предвидя, что сейчас придется разговаривать с баранами, я дал команду глушить движки. Соляру с моторесурсом побережем. Да и вы пробовали нормально разговаривать рядом с работающими танковыми двигателями?

– Кто такие? – Это подошедший сержант стал прояснять обстановку.

– Сводный танковый отряд. Нам, товарищ сержант, боекомплект пополнить бы, да и горючее тоже не помешало бы.

– Не положено.

– Слушай, сержант, включи мозги. Тут уже к завтрашнему дню, если не сегодня к вечеру, немцы будут. Мы только что треть боекомплекта израсходовали, когда передовой немецкий отряд у города уничтожали. Сутки, максимум двое, и это уже будет немецкий тыл, и возможно глубокий. Ты немцев также сюда не будешь пускать?

Сержант задумался.

– Или ты так перед ними выслужиться хочешь? – решил я взять его на испуг.

Сержант Кононов был в растерянности. Завскладом, майор интендантской службы Порошенко, еще позавчера уехал в штаб с большей частью охраны, а ему приказал охранять

склады до особого распоряжения. Связь оборвалась вчера, и больше от начальства никаких известий. Канонада все приближается, хорошо хоть, что налет был только один и склады с боеприпасами не загорелись и не взорвались – повезло, одним словом. Что дальше делать? Новых приказов нет, а оставаться тут дальше опасно: действительно скоро немцы появятся, а помирать в неравном бою Кононову не хотелось.

Наконец, он принял трудное решение:

– Вот что, дам вам все, что захотите, но вы нас потом с собой возьмете: оставаться тут нет смысла.

– Без базара!

– Что?..

– Возьмем, говорю, нам люди нужны, вместе пробиваться к своим легче будет, да и в бою больше шансов. Значит так, товарищ сержант, нам нужны в первую очередь снаряды и топливо. Если есть форма и продукты, то еще лучше.

– Есть, все у нас есть, пошли. – И развернувшись, сержант пошел к ближайшему складу, который оказался наполовину разрушен.

В нем мы нашли ящики с 76-миллиметровыми снарядами. С помощью ополченцев быстро пополнили наш боекомплект. Ополченцы таскали снаряды из склада и передавали их артиллеристам, которые загружали их в танки. Внутри в основном одни осколочные, лишь по паре десятков бронебойных, зато на верх танка, позади башни, положили по два десятка ящиков с бронебойными снарядами. Закончили

быстро: работников хватало, а танков всего два.

Потом пошли к другому складу, вещевому, там оказалась новая форма. Народ обрадовался: в основном все уже поизносились, а у ополченцев вообще формы не было, как в своей гражданке в истребительный отряд пришли, так и ходили. Нашлись даже новые комбинезоны для танкистов – вот это было очень кстати, а то мои пацаны в ношеном старье ходили, как, впрочем, и я. Также нашлось новое нательное белье. Жаль только, что помыться не получится, но, впрочем, сейчас лето, остановимся у ближайшей речки и ополоснемся. С топливом было похуже, но все же немного нашлось. А главное, на складе оказалось пять прицепов, теперь мы могли прихватить с собой и топливо, и снаряды.

Чего тут только не было, пускай и в малых количествах. Мы стали богаче на пятьдесят ППД, причем к каждому нашлось аж по три запасных диска, мы взяли их все. Сунули по три автомата в каждый КВ, а также вооружили ими остальных. Еще нашлась сотня СВТ-40, их я приказал тоже забрать все, отличная винтовка. А то ППД годятся только для ближнего боя, а выше ста метров толку от них уже немного, хотя зона эффективного огня двести метров. Еще были ДШК, целых двадцать штук и с универсальными станками Колесникова; на них у меня появились отдельные виды, надо только нормальную мастерскую и кое-какой материал, ну и грузовики, конечно.

Короче, мы провозились тут до вечера, пока нашли все

нужное. Ополченцы уже переоделись в новую форму и теперь выглядели вполне кадровым подразделением, по крайней мере со стороны. Впрочем, в армии отслужили все, еще не все забыли, так что оставалось только немного вспомнить азы службы.

Уже под вечер мы тронулись в путь. У ближайшей речки остановились, выставили караул, замаскировали технику и устроили помывочный день. Долго не задержались, но помыться в теплой речной воде успели все, а заодно и побриться, а то некоторые бойцы уже неплохо заросли щетиной. Я тоже помылся в сторонке.

Наконец, приведя себя в порядок, мы двинулись дальше. Скоро на обочине показалась стоящая колонна. Мы насчитали восемь грузовиков ЗИС-5, причем к шести из них были прицеплены противотанковые пушки ЗИС-2, и три «тридцатьчетверки», судя по всему, просто брошенные. Проехать мимо, не осмотрев машины, орудия и танки, я не мог, моя жаба меня до смерти запытала бы. Все оказалось в полном порядке, на орудиях даже замки с прицелами имелись, а в кузовах «захаров» я нашел ящики со снарядами, вот только все топливные баки были пустыми.

У меня были только два незанятых водителя, вот я и приказал заправить две машины с орудиями. Залив по шестьдесят литров в каждую, под пробку, они выехали с обочины и пристроились к нашей колонне. Жаль, что все машины не мог забрать...

На данный момент 57-миллиметровая противотанковая пушка ЗИС-2 была самой мощной в мире, а наши долдоны в высоких чинах ее сняли с производства, мотивируя это ее излишней бронепробиваемостью.

Танки тоже оказались в полном порядке, только без топлива. Ладно, до города уже недалеко, а там топливо достану и с мехводами и водилами вернусь сюда. Заправим технику и двинем в Барановичи. Танки в крайнем случае можно хотя бы как неподвижные огневые точки использовать.

Глава 4

Спустя пару часов, километрах в десяти от Барановичей, мы увидели наших. На дороге стоял заслон, группа пехотинцев, а в стороне замаскированное орудие. Пришлось остановиться, чтобы, так сказать, опознаться. Это оказалась 27-я танковая дивизия 17-го механизированного корпуса генерал-майора Петрова. Впрочем, дивизия – это громко сказано: формирование корпуса было начато только в этом году, и по штату в нем были только военнослужащие, а вся материальная база почти полностью отсутствовала. Танков было всего шестьдесят три, и те легкие, артиллерия присутствовала, только оказалась практически без боеприпасов, и на тридцать тысяч списочного состава корпуса лишь десять тысяч винтовок, то есть у каждого третьего.

Командовал дивизией полковник Ахманов, а в ее составе были аж один легкий танк БТ-5 и четыре бронемашины. На этом фоне наша маленькая колонна смотрелась очень даже ничего: два тяжелых танка, трофейный бронетранспортер и два противотанковых орудия. Причем таких, которые могли уничтожить любой танк вермахта на дистанции свыше километра.

Разумеется, нас задержали, стали разбираться, кто мы такие и откуда. К нам даже прибыл командир дивизии полковник Ахманов, и я, естественно, стал опасаться, что у меня

снова попробуют отжать мой КВ. Но пронесло. Когда Ахманов узнал, что всем отрядом командую я, то, расспросив обо всем и внимательно выслушав, по-видимому, проникся ко мне искренним уважением, поскольку не только оставил мне мой КВ, но даже сам назначил командиром танкового взвода с присвоением воинского звания сержант.

Вот это был поистине царский подарок для меня: теперь ни одна сволочь не сможет отжать у меня мой танк просто так. Имея такую крышу, как полковник Ахманов, я вполне заимел все шансы в итоге встать на роту, а уж танки я найду, их тут много брошено при отступлении Красной армии.

Меня с моими парнями быстро зачислили в штат дивизии, полковник уже было собрался уходить, когда я его окликнул:

– Товарищ полковник, а еще бензин и солярка у вас есть, а также водители и мехводы?

– Есть, на городских складах хороший запас, и водители с мехводами есть. А зачем тебе?

– Мы по дороге небольшую брошенную колонну видели, неподалеку отсюда. Там еще четыре ЗИС-2 с грузовиками остались и три танка Т-34, с виду исправные, только без топлива. А также подальше в лесу артиллерийский склад, там еще много чего сохранилось.

– Где?!

Полковник чуть ли не подпрыгнул от таких новостей. При почти полном отсутствии снарядов к орудиям это было просто царским подарком.

— До колонны километров пятнадцать будет, а до складов еще километров двадцать, это там, за речушкой.

— Я распоряжусь. Сейчас немедленно выделяют три экипажа для танков и дадут водителей и колонну грузовиков для склада.

Спустя полчаса колонна из двадцати человек с проводниками ушла к брошенной технике и на склад. В кузова двух ЗИС-5 закатили бочки с топливом, в один с бензином и в другой с соляжкой. Через час пришли шесть машин с оставшимися четыремя противотанковыми орудиями и тройка Т-34. Орудия передали противотанкистам, а танки, к моему удивлению, поступили в мое распоряжение вместе с новыми экипажами. Я даже сам такого не ожидал.

Все это время я готовил позиции для своих КВ. Осмотрев место обороны, наметил наиболее подходящие места и, выпросив у командира пехотной роты людей, отряд стал копать капониры для танков. Совместными усилиями к моменту появления колонны мы уже выкопали капониры и теперь маскировали их. Как настоящие садовники, выкапывали в стороне кусты и сажали их впереди и вокруг капонира, дерном укрывали места свежей земли, чтобы ни сверху, ни спереди танк в капонире не был замечен. Учитывая, что нам, возможно, придется отсюда быстро сматываться, я полюбился раскидывать над капониром масксеть, вместо этого сделали легкий навес из молодых деревьев и веток на кар-

касе из жердей.

Еще спустя два часа вернулась колонна от склада, они привезли снаряды к орудиям дивизии и порядка тысячи винтовок, а также полсотни «максимов». Машины быстро разгрузили, и они отправились во второй рейс, а Ахманов чуть не плясал от радости. Есть бойцы, а оружия не хватает, есть артиллерия, и в том числе зенитная, а снарядов для нее нет, а тут и оружия немного и, главное, снаряды для орудий, да еще появилась неполная танковая рота, причем на машинах, которые немецким танкам были не по зубам.

За ночь водители сделали еще два рейса на склад, причем каждый раз количество машин увеличивалось: полковник стянул сюда весь транспорт, который только смог быстро найти. Заполучив такой источник боеприпасов, командир дивизии хотел вывезти к себе максимум всего, пока есть такая возможность. В общей сложности привезли почти десять тысяч винтовок, что позволило вооружить еще треть бойцов корпуса. И разумеется, Ахманов первыми вооружил своих бойцов, всех, а артиллеристы получили по несколько боекомплектов на орудие.

Нежданно получив под свою команду еще три танка, мне пришлось выбирать и им тоже основную и запасные позиции и приступать к рытью капониров. Пришлось задействовать всю пехотную роту. Она пока была еще полнокровной, почти двести человек, но и копать надо было минимум шесть капониров, основной и запасной, а потом тщательно их мас-

кировать. Завтра, когда мы вломим гансам по первое число, они начнут равнять с землей наши позиции, а потому надо будет сразу сматываться отсюда, чтобы не попасть под раздачу от немецкой артиллерии и авиации.

Вечером присоединившиеся ко мне бойцы отправили свои семьи в тыл. Как раз уходил поезд на восток, а поскольку он отправлялся вечером, то имел все шансы благополучно миновать опасную зону и к утру уже быть вне пределов досягаемости немецкой авиации. Это очень благотворно повлияло на бойцов: зная, что теперь их семьи будут в безопасности, они могли со спокойной совестью воевать, не беспокоясь за их жизнь.

Остаток ночи удалось хоть немного поспать, а утром нас ждали уже старые знакомые – это именно их батальон мы вчера уничтожили под Слонимом. Утром на нас после небольшого артналета двинулась немецкая 17-я танковая дивизия. Немцы шли как на параде, вытянувшись вдоль фронта, впереди танки, а за ними бронетранспортеры и пехота. Получившие снаряды артиллеристы открыли беглый огонь, и все поле покрылось разрывами от снарядов. Попад под сильный обстрел, немецкая пехота залегла, а мы, распределив между собой цели, открыли по немецким танкам беглый огонь.

Игорек, когда нам подогнали еще три «тридцатьчетверки», на скорую руку настроил их радики, так что все танки были радиофицированы.

На нас перли немецкие «тройки», причем, похоже, первых моделей, еще с короткими 37-миллиметровыми орудиями. Чуть сзади нас отрыли свои капониры артиллеристы для шести найденных ЗИС-2, а кроме них имелись две четырехорудийные батареи «сорокапятков». ЗИСы открыли огонь одновременно с нами, их мощность вполне это позволяла, а вот «сорокапятки» пока молчали, для них дистанция в километр была большой. Попав под наш прицельный огонь, немецкие «тройки» стали вспыхивать одна за другой. Даже начав нести потери, немецкие танкисты рвались вперед, и скоро, потеряв примерно половину машин, они достигли зоны поражения «сорокапятков», и те активно включились в бой.

Когда фашистские танки достигли наших траншей, которые были отрыты метрах в ста впереди от наших капониров, немецкая атака выдохлась. В строю осталось не больше четверти танков, а тут еще наши пехотинцы стали закидывать их связками гранат и бутылками с зажигательной смесью. Ощущая за своей спиной такую сильную поддержку и увидев, как большая часть вражеских танков встала еще на подходе и горит, они твердо держались.

Бой шел не больше часа и окончился полным разгромом немцев. Назад смогли отойти только пехотинцы и часть бронетранспортеров, и то только потому, что были от нас далеко, а кроме того, наш обзор затрудняла горящая техника противника. После боя, в котором мы израсходовали все свои бронебойные снаряды, я отдал приказ отойти на полки-

лометра в тыл, на заранее присмотренные места. Дождаться тут вражеского обстрела я не планировал, да и боекомплект надо было пополнить, со склада за ночь вывезли много разных снарядов, в том числе и наших трехдюймовых.

Не успели мы встать на запасных позициях, как к нам подлетел полковник Ахманов.

– Ну, молодцы, столько немецких танков пожгли! Только почему без приказа отступили?

– Товарищ полковник, сейчас немцы начнут наш передний край обрабатывать, а терять по-глупому свои танки я не хочу. Надо пока на поле боя трофейные команды послать, собрать все немецкие винтовки и пулеметы, и из несгоревших танков их повытаскивать. Раз нашего оружия не хватает, нужно вооружить бойцов трофейным, а потом поджечь все несгоревшие танки. Только сначала глянуть: если где гусеницу перебило или какая другая легкая поломка, то их тоже можно к нам утянуть, а остальное сжечь.

– Зачем жечь, если они и так подбиты?

– Мы тут долго не продержимся. Даже если сами сейчас устоим, то немцы через соседей прорвутся и нам по-любому придется отходить, чтобы не попасть в окружение, а немцы тогда свои танки за несколько дней восстановят и снова против нас бросят.

Мгновение подумав, Ахманов согласился с моими доводами. Красноармейцы стали обыскивать поле боя; временами раздавались одиночные выстрелы – это бойцы добива-

ли раненых немцев. С трупов забирали оружие, боеприпасы; бойцам очень понравились немецкие фляжки, и они их охотно забирали себе вместо своих стеклянных. Впрочем, не избежали внимания и другие мелочи вроде часов, зажигалок или портсигаров.

Все торопились, и не зря: только бойцы успели вернуться в свои окопы, как начался артиллерийский обстрел. Очень основательно получив от нас по зубам, немцы вызвали артиллерийскую поддержку: потери они понесли немаленькие, и прежде чем снова атаковать наши позиции, по всем правилам военной науки утюжили их артиллерией, а чуть позже появилась и девятка пикировщиков, которая тоже отбомбилась по позициям.

Учитывая то, что ЗИС-2 была довольно мощным противотанковым орудием, то их позиции разместили метрах в трехстах позади окопов, там же, где вырыли капониры для нашей полуроты. Хорошо замаскированные, они остались незамеченными пикировщиками, а вот две батареи «сорокапятков», которые были размещены прямо за траншеями, понесли большие потери. Из восьми орудий уцелели только три, и теперь вся надежда пехоты была только на ЗИС-2 и мои танки.

Передышка вышла в пару часов, а потом накатила новая волна. Мы, как только передовой дозор доложил о появлении противника, снова выдвинулись вперед, на запасные позиции. Со стороны мои танки выглядели большими кустами,

так обильно их украсили ветками. Мы успели. Только танки заняли свои места, как противник вошел в зону действия наших орудий, вот только нам сильно мешали уже подбитые танки и бронетранспортеры, создававшие укрытия для техники немцев. Теперь нам приходилось ловить моменты, когда она появлялась в просветах среди уже уничтоженных боевых машин.

Это обстоятельство позволило немцам с минимальными потерями сблизиться с нами, но с каждым моментом эффективность нашего огня возрастала, и снова противника остановили на линии окопов. Потеряв в общей сложности больше батальона танков и пехоты, немцы взяли тайм-аут и в этот день больше не атаковали: видимо, мы выбили у них основной ударный кулак. Но обстреливали наши позиции трижды и дважды бомбили, пользуясь полным отсутствием у нас зенитного прикрытия. Все зенитки командование стянуло в город, так что нам ничего не досталось.

Пока суть да дело, Ахманов подготовил документы на нашу танковую роту, а милиционеров и бойцов истребительного батальона ввел в ее состав как танковый десант. Кроме них нам еще добавили пехотинцев и дали аж старшего лейтенанта командовать ими.

Нет, не подумайте, что и старлей пошел под мое командование... Ахманов поступил более чем хитро. Дать мне командирское звание он не мог, также сержант не мог командовать танковой ротой и тем более пехотным прикрытием.

Поэтому он просто придал наши танки пехотной роте, но на словах велел старшему лейтенанту Горобцу во всем следовать моим советам. С одной стороны, это просто прекрасно, а с другой – как только Горобец меня увидел, так сразу же и пропал.

Я заметил, как он заворуженно замер, как только увидел меня. И вот спрашивается: на фига козе баян, зачем мне такой геморрой? Хотя я, конечно, мог понять старлея, сам на его месте влюбился бы в такую гарну дивчину. И вот что мне теперь делать? Будь я изначально женского полу, то, наверное, только обрадовался бы такому повороту, а поскольку я так и остался мужиком, только в женском теле, то ни о каких отношениях с мужским полом не могло быть и речи.

И вот теперь надо тактично отвадить парня, чтобы ни-сколько его не обидеть. И тут дело не столько в его чувствах или мужской солидарности, а в том, что нам воевать вместе, а получить обиженного самца, который горит жадой пламенной мести, я не хотел. Тут ведь все на эмоциях будет, и порой люди творят такое, о чем впоследствии сильно жалеют, если только у них есть это «впоследствии».

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант, – поздравался я. – Товарищ полковник вам уже сказал, чтобы вы прислушивались к моим советам?

– Д-да, – чуть запинаясь, проговорил Горобец, – сказал.

– Прекрасно. Ваша основная задача – не подпускать к нам пехоту противника. Если мы наступаем, то ваши бойцы ли-

бо двигаются с нами на нашей броне, либо бегут сразу за нами, чтобы использовать наши танки в качестве прикрытия от вражеского огня.

Я особо его не грузил. Не знаю уровень его подготовки, но многого от него и не требовал.

Вот так и шло время... Несмотря на то, что немцы уже попробовали взять город штурмом, единой линии фронта еще не было, но думаю, что завтра, край послезавтра и будет сплошная линия фронта...

И тут произошла неожиданная встреча со старым знакомым.

– Ба, какая встреча, Нечаева, снова ты! О, я смотрю, ты снова танк себе добыла, да даже не один. Это хорошо. Нам пришлось свои танки бросить, так что давай выметайся, твои танки нам будут в самый раз.

Я обернулся и увидел радостно скалящегося капитана Борисова. Ну, погоди, сейчас я тебе всю малину обосру и хотелки обломаю.

– Товарищ капитан, вы что-то хотели?

– Ты что, глухая? Я говорю, танки давай!

– И на каком основании?

– Ты не военнослужащая, эти танки тебе не принадлежат.

– Эти танки воюют в составе двадцать седьмой танковой дивизии полковника Ахманова, так что вы, товарищ капитан, можете идти лесом в дальнейшее эротическое путешествие.

– Что?..

– Проще говоря, идите вы, товарищ капитан, на хер. Вы уже как минимум дважды просрали свои танки и теперь хотите сделать это в третий раз? Нужны танки – значит, сами их найдите, отремонтируйте и снарядите, как сделала это я. А халява кончилась.

– Я смотрю, ты тут совсем оборзела! А ну, пошла прочь, шалава!

Он с решительным видом двинулся ко мне, а я, достав из кобуры ТТ, передернул затвор и выстрелил в землю перед самым носком сапог Борисова. Он так и замер, с испугом глядя на меня, ведь теперь мой ТТ смотрел ему прямо в грудь, а на выстрел уже бежали наши бойцы, в том числе и старший лейтенант Горобец.

– Что тут происходит, товарищ сержант? – обратился ко мне Горобец, а Борисов с удивлением уставился на него, как только услышал его обращение ко мне.

– Товарищ старший лейтенант, вот, грабить нас пришли, танки отобрать хотят. Свои в очередной раз про... пролюбили, так решили наши забрать.

– А стреляла зачем?

– Так товарищ капитан слов не понимает, пришлось применить оружие, чтобы его остановить.

– Товарищ сержант?... – потрясенно проговорил Борисов.

– Да, сержант! – ответил ему я. – Командир усиленного танкового взвода в 54-м танковом полку 27-й танковой дивизии.

Тут внезапно появился и Ахманов. Как оказалось, он проводил рекогносцировку и оказался поблизости.

– В чем дело, кто стрелял?

– Я стреляла, товарищ полковник. Вот товарищ капитан уже раз отобрал у меня танк и бросил его на следующий день, а теперь, увидев у меня уже пять танков, намеревался их снова отобрать, чтобы потом бросить при первых же трудностях. Словами его было не остановить, вот и пришлось стрелять в землю перед ним.

Ахманову очень не понравилось происходящее, а именно попытка отобрать у него танки, да еще и младшим по званию.

– Капитан! Потрудитесь объяснить, на каком основании вы хотели забрать себе наши танки?!

– Товарищ полковник, я не знал, что это ваши танки. Я увидел Нечаеву, а поскольку она не военнослужащая, то и решил забрать у нее танки.

– А где ваши танки?

– Пришлось бросить: топливо кончилось.

– А почему у товарища сержанта оно не кончилось? Почему она находит и танки, и топливо, и боеприпасы к ним, а вы нет? Почему она только увеличивает у себя количество танков, а вы их все время бросаете?!

Борисов лишь помалкивал, ему нечего было сказать в ответ. А Ахманов, немного упокоившись, произнес:

– Можете идти, товарищ капитан, я вас не задерживаю.

– Товарищ полковник, а можно мне к вам, моя часть разбита.

– Направляйтесь в таком случае на сборный пункт, а мне такие командиры не нужны. Если бы я мог, то я Нечаевой присвоил бы капитана и поставил ее на батальон.

Борисов вместе со своими бойцами понуро пошел прочь, а Ахманов повернулся ко мне.

– Надя, это тот самый командир, который у тебя сначала отнял танк, а на следующий день его бросил?

– Да, товарищ полковник, тот самый. Он ведь тоже мог встать где-нибудь, провести разведку, чтобы выяснить, где можно добыть топливо и снаряды, а потом вечером, чтобы избежать авианалетов, двинуться в путь, или днем, но выбрав для этого лесные дороги. А он даже подумать не хочет. Более чем уверена, что он просто бросил свои танки, как только в них кончилось топливо, и даже не уничтожил их. А тут увидел меня и захотел снова задарма танками разжиться, а потом так же легко и их бросит, как только топливо закончится.

В общем, удалось не только отшить этого капитана, но и, образно говоря, опустить его ниже плинтуса. Вот только долго мы тут не задержались.

28 июня 1941 года. Барановичи

Наш герой не был знатоком Великой Отечественной...

Нет, конечно, он знал ее общий ход и примерное время основных битв, но и понятия не имел, что своими действиями уже незначительно изменил историю. Благодаря тому, что с его помощью 17-й механизированный корпус получил снаряды и стрелковое вооружение, а также при его непосредственном участии было уничтожено около сотни вражеских танков, Барановичи удержали на два дня дольше, чем это было в реальной истории.

Следующий день не принес нам хороших новостей. Да, мы пока удерживали город, но немцы прорвались на флангах, и в итоге Барановичи попали в котел. Полковник Ахманов получил приказ на прорыв, но мне отнюдь не нравилось двигаться под авиаударами с воздуха и без малейшей разведки. К тому же снабжение: сейчас у нас были полные баки, и даже удалось достать топливозаправщик, который был под пробку заполнен соляркой, но надолго нам этого не хватит – это одна полная заправка моих пяти танков. Да и действовать против подготовившегося к схватке и вставшего в оборону противника не то же самое, как против маршевых колонн из засад.

Есть и еще одно важное обстоятельство: один я могу воевать как хочу, а в составе подразделения – как будет приказывать начальство, а сейчас оно в основном дубовое. Нет опыта современной войны, да и политработники постоянно в руководство вмешиваются, а ответственности за дебилские приказы не несут. Сейчас формально мой командир –

это старший лейтенант Горобец, который влюблен в меня без ума, и хоть я ему ясно показал, что ему ничего не светит, тем не менее манипулировать его влюбленностью можно.

– Товарищ старший лейтенант, можно вас на пару слов?

– Конечно, Наденька, что ты хотела?

– Обсудить наши ближайшие планы. Идти на прорыв вместе со всеми я не хочу: слишком велик шанс потерять танки и при этом не нанести противнику существенного урона.

– Да, но...

– Простите, сначала выслушайте меня до конца.

– Хорошо, говори.

– Итак, по всей логике наши части должны пытаться вырваться из окружения по кратчайшей траектории, то есть ударом на восток, и немцы об этом прекрасно знают. Значит, они и подготовятся соответственно. Пробить нашу броню своими танковыми или противотанковыми орудиями они не смогут, по крайней мере, на КВ, а вот сбить нам гусеницы, чтобы обездвижить, – вполне. Во время боя, под обстрелом натянуть их снова мы не сможем – не дадут. А затем немцы или вызовут авиацию, что скорее всего, или наведут на нас тяжелую артиллерию и все равно сожгут танки. Возможен и более простой вариант: быстро выбить пехотное прикрытие, а затем, подобравшись, сжечь танки из огнеметов или даже простыми бутылками с бензином и маслом. Солдаты у них опытные, так что долго мы не продержимся.

– У тебя есть конкретное предложение?

– Да. Как говорил Суворов, удивил – значит победил. Противник ожидает от нас, что все мы дружно ломанемся на восток, чтобы кратчайшим путем прорваться к своим. Я предлагаю поступить наоборот, так, как от нас ни кто не ждет, – ударить на запад, навстречу противнику. Вы заметили, что сегодня не было ни одной атаки, только один налет и один обстрел, а это значит, что основные силы немцы бросили на фланги, где они удачно и прорвались. Сейчас от нас ждут всего, но только не контрудара.

Горобец ненадолго задумался, обдумывая мои слова.

– Возможно, ты и права. Что конкретно ты хочешь сделать?

– Нанести контрудар, прорвать немецкую оборону. Захватить их грузовики и рвануть километров на двадцать на запад, попутно уничтожая все встречные колонны противника. Затем уйти в сторону и ненадолго затаиться, выслав в стороны разведгруппы для разведки местности. Также поиск нашей уцелевшей техники, топлива и боеприпасов. Попутно присоединение к себе небольших разрозненных групп наших окруженцев и затем уже выход к своим. Попутно уничтожение всех мостов, складов, штабов и небольших подразделений противника. Даже если нас и уничтожат, то в любом случае мы нанесем намного больший ущерб противнику, чем при попытке прорваться на восток сейчас, когда нас ждут.

Я все же уговорил Горобца последовать моему плану.

Кроме того, к нам еще присоединилась противотанковая батарея из тех самых шести 57-миллиметровых ЗИС-2. В середине дня, совершенно неожиданно для немцев, все мои пять танков рванули вперед, их атаку поддерживали противотанковые пушки, а следом за нами и рота пехоты. Из всей бронетехники немецкий батальон, который находился перед нами, имел лишь полтора десятка бронетранспортеров, и девять из них мы смогли захватить целыми, а кроме того, почти два десятка машин, так что проблем с транспортировкой пехоты не возникло. Мы даже с трудом нашли водителей на всю эту технику, а потом двинулись вперед. Первыми шли танки, затем бронетранспортеры и трофейные грузовики с пехотой, а замыкающими – противотанкисты и несколько грузовиков с припасами и автоцистерна.

Мои расчеты оказались верными. Буквально через несколько километров нам повстречался маршевый пехотный батальон, который мы в получасовом бою полностью и уничтожили, причем большую часть времени потратили на отлов разбегающихся немцев. Те ну никак не ожидали встретить на своем пути тяжелые танки русских, которые с ходу открыли по ним огонь из пушек и пулеметов, а почти сразу к ним присоединились и пулеметы бронетранспортеров.

Батальон был чисто пехотный, из всего транспорта лишь несколько подвод с продовольствием и патронами да кухня. Как мне было ни жалко, но кухню пришлось уничтожить: ну не были немецкие кухни приспособлены для транспорти-

ровки техникой, только лошадьми. Правда был и приятный сюрприз: кухня оказалась не пустой, за время марша немецкие повара приготовили обед, вот мы после боя и пообедали плотно, все же нас было значительно меньше, чем уничтоженных нами немцев, на которых и готовился обед. Продовольствие мы прихватили с собой, а насчет кухни – я надеялся найти нашу, которую можно транспортировать грузовиком. Уцелевших коней пожалели, просто выпрягли и отпустили.

После быстрого обеда двинулись дальше, не забыв при этом собрать кое-какие трофеи, в основном пулеметы и патроны к ним, еще пистолеты. А спустя час нам ну очень повезло, я даже и мечтать о таком не мог. На нас выехал штаб 18-й танковой дивизии 47-го моторизованного корпуса, чьи части и штурмовали Барановичи. Хотя встреча и произошла практически лоб в лоб, но отправленный вперед мотоциклетный дозор на трофейном мотоцикле сумел нас предупредить о немецкой колонне. А те явно не ожидали такой встречи с тяжелыми танками русских. Передовой дозор из десяти троек мы перестреляли буквально за пару минут, а потом пошел отстрел всех остальных.

Немцы как раз оказались на открытом месте, а мы только выехали из небольшого леса, а потому ничто не мешало нам вести огонь. Мое внимание привлекла роскошная легковая машина, я не знал ее марку; будь это современная машина, тогда да, а ретроавтомобили были для меня неопознаваемы.

Вместе с этой легковушкой отвернули и два бронетранспортера, а остальные бросились нам навстречу. Явно, что там сидел какой-то важный чин, а потому, встав на месте, я велел своему наводчику, Роме Томскому, уничтожить бронетранспортеры, а легковушку не трогать.

Пять выстрелов осколочными – и оба немецких бронетранспортера загорелись. Легковушка застыла на месте, но, похоже, ее пассажиры остались живы. Дав команду одной из «тридцатьчетверок» проверить пассажиров этой легковушки, я продолжил вести бой. Вскоре к нам подвели немецкого генерала. Бой уже закончился, и наши бойцы добивали выживших гитлеровцев. Генерал оказался командиром 18-й танковой дивизии 47-го моторизованного корпуса генерал-майором Вальтером Нерингом. Также уцелел и штабной автобус, по которому я приказал не стрелять. У нас было несколько бойцов, которые отлично знали немецкий, вот они и стали быстро просматривать захваченные в штабном автобусе документы.

Вскоре к нам подошел сильно возмущенный Игорь Силуянов с каким-то листком. Это оказался приказ командира дивизии не брать в плен раненых бойцов и командиров Красной армии, а добивать их на месте. После короткого, но ожесточенного спора с Горобцом я все же настоял на своем решении. Командира 18-й танковой дивизии генерал-майора Вальтера Неринга повесили на одиночном дереве, которое росло неподалеку. Ему на грудь прикрепили его собствен-

ный приказ, а ниже лист бумаги с надписью уже по-русски: «Категорически не согласны! Бойцы и командиры Красной армии». А ниже еще один лист бумаги уже с надписью по-немецки: «Немецкие солдаты и офицеры, помните, что все, что вы сделаете в России, вернется к вам сторицей. Мы всегда возвращаем свои долги».

Глава 5

Уговорить Горобца было очень сложно. Как только он увидел генеральские лампасы, его словно заклинило. Еще бы, взять в плен самого генерала! Да за такое он как минимум следующее звание получит, а возможно, и Героя Советского Союза дадут, или то и другое вместе. Сейчас, когда у нас одни поражения на фронтах, такая новость значительно поднимет дух как советских войск, так и населения страны, и тут я со своим «давай повесим».

Нет, тут дело вовсе не в моей кровожадности, просто было два момента: во-первых, до наших еще дойти нужно и при этом генерала сохранить, а во-вторых, меня очень разозлил его приказ добивать наших раненых бойцов. Да, мы тоже добивали раненых немцев и не брали их в плен, но мы отступали, и у нас просто не было возможности доставить их к своим, а если так оставить, то спустя месяц-два они, выздоровев, снова будут убивать наших бойцов. Лишь сказав, что это не единственный немецкий генерал в округе и что, находясь в немецком тылу, у нас наверняка представится возможность захватить еще одного, я склонил Горобца на свою сторону.

В вещах генерала нашелся неплохой фотоаппарат и несколько чистых фотопленок. На него и сфотографировали приказ генерала и сам процесс повешения – для отчетности

и для пропаганды, как своей, так и противника: типа, что отвечать как за свои приказы, так и за свои преступления придется каждому. А бойцы встретили мое решение с большим энтузиазмом, особенно после того, как Силуянов рассказал им о приказе немецкого генерала.

Быстро собрав трофеи, мы двинулись дальше, а разгром штаба 18-й танковой дивизии заставил ее подразделения на время остановиться. Это обстоятельство позволило дивизии Ахманова, пробившись из окружения, оторваться от противника и, отойдя, занять новые позиции. Он еще удивлялся тому, что немцы неожиданно прекратили наступление, и только на следующий день от пленного офицера узнал о причинах их остановки. По словам гауптмана, штаб 18-й танковой дивизии вместе с ее командиром на подходе к Барановичам был неожиданно атакован тяжелыми русскими танками и полностью уничтожен, а сам командир дивизии, генерал-майор Вальтер Неринг, повешен.

В том, кто это сделал, полковник Ахманов совершенно не сомневался, так как других тяжелых танков, кроме взвода сержанта Нечаевой, не было, а она так и не вышла из окружения, и рота старшего лейтенанта Горобца тоже. Значит, это могла быть только их работа. Даже того короткого времени, в течение которого он с ней общался, было достаточно, чтобы понять, что это настоящая оторва, и произошедшее вполне в ее духе. А по тому, как на нее смотрел старший лейтенант Горобец, можно было с уверенностью сказать, что он сдела-

ет все, что захочет Нечаева. Вот только непонятно было, зачем им понадобилось вешать немецкого генерала, но если она выйдет, а это более чем вероятно, то он об этом узнает.

А пока он составил рапорт командиру корпуса и хотел отправить его вместе с захваченным немецким гауптманом. Получалось, что это его люди уничтожили штаб немецкой танковой дивизии и убили ее командира, а за такое полагалась награда. Конечно, сразу в это не поверят, но выяснят довольно быстро, а там, глядишь, может, и Нечаева со своим отрядом выйдет, тогда будет информация из первых рук. Хотя... Пожалуй, лучше сейчас самому съездить к командиру корпуса генерал-майору Петрову, что он и сделал.

Штаб 17-го механизированного корпуса

– Разрешите, товарищ генерал-майор?

– Ахманов? Что у тебя, Алексей Осипович? И это, давай по-простому без чинов.

Тут такое дело, Михаил Петрович... Короче, взяли сегодня ночью мои орлы языка, немецкого гауптмана, и он такого порассказал...

– Что Земля плоская и держится на трех китах?

– Без шуток. Вы заметили, что сегодня немцы необычно вялые, никаких атак?

– Да, мой начштаба думает, что они перегруппировываются.

– Да нет, тут дело в другом. По сообщению захваченного гауптмана, вчера днем, во время передислокации, был уничтожен штаб 18-й танковой дивизии 47-го моторизованного корпуса. Уничтожен русскими тяжелыми танками с десантом, а сам командующий дивизией, генерал-майор Вальтер Неринг, повешен.

– Ничего себе новости! Кто это мог быть?

– А вот тут думаю, я знаю, кто так набедокурил. Это как раз в стиле этой шепутной.

– Кого?

– Сейчас, Михаил Петрович, расскажу все по порядку. Три дня назад в распоряжение моей дивизии вышла небольшая колонна: два КВ, трофейный немецкий бронетранспортер и несколько грузовиков с двумя орудиями ЗИС-2. Командовала ими молодая девушка, даже не военнотружущая, но все ее слушались. Даже меня к ней дернули, вот я с ней и поговорил. Она на второй день войны нашла неисправный КВ, сама его отремонтировала, набрала экипаж из подростков и в течение пары дней уничтожила до батальона немецких танков.

– Врешь!

– Судя по тому, как о ней отозвались вышедшие с ней танкисты второго КВ и бойцы истребительного батальона, вполне могла. Она же сообщила мне о трех исправных Т-34 и батарее ЗИС-2, а также о нашем складе, где есть снаряды и стрелковое вооружение.

– Так вот откуда ты это все взял. А совесть тебя не мучает, что себе львиную долю оружия оставил?

– Михаил Петрович, кто успел, тот и съел. Раз я нашел, то и право первого выбора у меня.

– Ладно, Алексей Осипович, я, пожалуй, на твоём месте поступил так же. Но продолжай.

– В общем, дал я ей сержанта своей властью, поставил командовать танковым взводом и ещё Т-34 ей добавил. Там действительно были абсолютно целые танки и даже с полным боекомплектom, но без капли топлива... А ещё придал ей пехотную роту в усиление, как она попросила.

– И всем этим командует простой сержант? Девушка? Да ещё до этого и в армии ни дня не служившая?

– Ну, не совсем так. Официально командует командир роты, старший лейтенант Горобец, но я посоветовал ему тщательно прислушиваться к её советам. Только он и без этого будет её слушаться.

Тут генерал Петров изумленно посмотрел на полковника Ахманова.

– Да он как её увидел, так и втюрился в неё по уши.

– Красивая девка?

– Честно, не будь я женат, сам бы на ней женился. Кровь с молоком и характер железный, так что пропал мой Горобец, как только её увидел.

– А дальше?

– Они успешно отбили немецкие атаки при защите Бара-

новичей, уничтожив при этом более полусотни танков, правда там им и противотанкисты подсобили. Но вот при прорыве они вместе с нами не вышли.

– Может, погибли?

– Нет, не тот человек Нечаева, чтобы просто погибнуть при прорыве. Думаю, она пошла не на восток, как все, а на запад. А что, кто из немцев мог такое ожидать? Свои основные силы они сосредоточили в месте нашего прорыва, а Нечаева ударила в противоположном направлении и попала на штабную колонну 18-й танковой дивизии немцев, которую и уничтожила.

– А зачем ей понадобилось вешать ее командира? Это ведь наверняка она на этом настояла. То, как ты ее описал, не вызывает в этом ни малейшего сомнения.

– Точно не знаю, но гауптман сказал, что генерал подписал приказ, согласно которому надлежало не брать в плен, а добивать всех раненых бойцов и командиров Красной армии. Это вполне могло ее разозлить, да и когда еще она сможет пробиться назад. Думаю, что сейчас, когда, можно сказать, под ее командованием оказалась механизированная группа, она немного погуляет по немецким тылам.

Тогда понятно. Но думаю, скоро ее ждать назад не стоит.

– Михаил Петрович, вы там сообщите наверх про штаб 18-й танковой дивизии немцев. Можно дописать, что пока по непроверенным данным, но застолбить это за собой. Просто не думаю, что там мог оказаться еще кто-то на тяжелых

танках.

– Я смотрю, ты отличиться хочешь?

– А кто не хочет? К тому же при нынешних постоянных отступлениях надо и хоть что-то удачное о себе заявить, да и нашему корпусу хоть будет чем похвастаться перед начальством.

– Возможно, ты и прав. Ладно, отправлю сообщение в штаб фронта и гауптмана твоего отправлю туда же.

28 июня 1941 года. Штаб Гудериана

– Вы выяснили, что там произошло?

– Да, мой экселенц, согласно донесению чудом выжившего унтер-офицера охраны штаба, их штабная колонна напоролась прямо на колонну русских тяжелых танков. Охрана честно попыталась спасти своего командира, но русские не дали им это сделать. Они буквально в течение пары минут сожгли все танки охраны и начали отстрел бронетранспортеров. Генерал Неринг вместе с двумя бронетранспортерами охраны попытался уехать, но русские сожгли оба бронетранспортера и повредили машину генерала, после чего взяли его в плен. Унтер-офицер хорошо видел, как сначала русские вытащили генерала из машины, а затем, обыскав штабной автобус, заволновались, читая какую-то бумагу. Позже они просто повесили генерала Неринга и прикрепили к его мундиру найденную бумагу. Затем, написав что-то

на двух листах бумаги, также прикрепили их к его мундиру. Унтер-офицер был тяжело ранен в руку и ногу, а потому не мог воевать.

– Что за бумаги прикрепили русские к телу бедняги Неринга?

– Первой был его же приказ, чтобы раненых русских солдат и офицеров в плен не брали, а добивали на месте. На второй бумаге русские написали, что они категорически с этим не согласны, а на третьем листе было предупреждение, что за все преступления на русской земле мы ответим сторицей.

– А как там вообще оказались русские?

– В это трудно поверить, но когда русские пошли на прорыв из Барановичей, то небольшой отряд русских с тяжелыми танками ударил не на восток, а на запад. Так как наши основные силы были на востоке, чтобы не дать русским вырваться из котла, то этот отряд, не встречая на своем пути почти никакого сопротивления, легко прорвал наши позиции и пошел вперед. По дороге они уничтожили еще один моторизованный батальон, а потом вышли на штабную колонну 18-й танковой дивизии, которую в коротком бою полностью и уничтожили. Тот унтер-офицер выжил чудом, русские его просто не заметили. Они потом прошлись по всей колонне и добились всех наших солдат, выживших в бою, не делая различия между здоровыми и ранеными. Сделали то же, что приказал делать генерал Неринг.

– Варвары. Вот что, мы не можем оставить это просто так.

Необходимо найти и уничтожить эту группу, а всех выживших тоже повесить.

– Слушаюсь, мой экселенц.

Группа Нечаевой, западней Барановичей

А я даже и не подозревал, что из-за разгрома нами штабной колонны 18-й танковой дивизии начнутся такие телодвижения по обе линии фронта. После того как мы повесили генерала Неринга, пройдя еще километров пять, свернули на проселочную дорогу, которая вела в довольно приличный лесной массив. Были у меня планы несколько увеличить нашу группу, да и разведка не помешает. Что где находится, мне просто необходимо знать, чтобы потом это успешно скоммуниздить.

Да и так чувствовал, что после разгрома штабной колонны и особенно после демонстративного повешения немецкого генерала немцы начнут землю носом рыть, чтобы нас найти. Все же это оглушительная оплеуха им: они-то себя победителями считают, да еще и высшей расой, а тут такое. Вот и принимают это за кровное оскорбление. Еще бы, не просто убить генерала в бою, это как раз понятно, и даже не расстрелять, а именно повесить. Позорная казнь. Казнили как какого-то преступника, и кого, целого генерала победоносно-го вермахта, причем какие-то недочеловеки. Так что искать нас будут серьезно... Ну и пусть, волков бояться – в лес не

ходить. Ничего, даст бог, я им еще кровушку пушу, основательно так, чтобы они у меня кровавыми слезами умылись.

Я приказал прицепить к последним машинам колонны срубленные деревья, они хоть как-то маскировали наши следы. Более тщательно замаскировали съезд на целых полкилометра, а потом нам просто повезло. Оставленная на перекрестке разведка позже доложила, что спустя буквально час по дороге прошла очередная немецкая колонна, а затем еще одна, так что наши следы на дороге были основательно затоптаны немцами. Теперь если только они не начнут тщательно проверять все съезды с дороги, и на приличную дистанцию.

Спустя километров пятнадцать мы снова свернули, уже с лесной дороги на более мелкую, и продвинулись еще километров на пять, после чего встали лагерем. С нами была наша полевая кухня, которую мы прихватили при отступлении. Ее бросили из-за сломавшейся машины, а у нас она была, вот мы и прихватили ее с собой. Теперь я планировал минимум пару суток отстояться: и немцы немного поуспокоятся, и мы обстановку разведаем, и глядишь, еще народу добавится. С воздуха нас засечь было невозможно: лес, да еще и технику размещали под деревьями, а заодно и масксети натянули, так что даже с бреющего полета, если не знать, где искать, не найдешь.

Горобец отправил четыре разведгруппы в свободный поиск, основное задание — поиск различных ништяков, и в первую очередь топлива и боеприпасов. Дополнительно, где

и какие немецкие части расположены, а заодно возможные немецкие пункты сбора нашей трофейной техники и вооружения. Кроме того, отправили назад еще одну небольшую группу, чтобы она более тщательно замаскировала наши следы на лесной дороге – пускай до второго съезда хоть как замаскируют.

А пока заправили из автозаправщика все танки, как раз половина соляры и ушла, мы по полбака ее выехали. Кроме того, пополнили до максимума бое комплект, все же за время прорыва хорошо постреляли, вот и привели танки в порядок. Правда, у нас почти не осталось запасов снарядов. Грузовики тоже дозаправили, только бензином из бочек, так что пока горючка есть, но ненадолго, а потому надо искать, где ее можно достать вместе со снарядами. Да и продовольствия не так много, максимум на пару недель, это если пополнения не будет.

Пара дней прошла в спокойствии: мы отдыхали, а разведчики работали. Кстати, пост, который мы оставили на съезде с основной дороги, доложил, что немцы искали наши следы на дороге, но не нашли. На съезде мы их хорошо замаскировали, а на дороге затоптали сами немцы, когда после нашего съезда там две их колонны проехали. А как поняли, что наши следы ищут? Так немцы, около взвода, пешком шли и внимательно рассматривали дорогу. И на съезде они не удовлетворились беглым осмотром, а метров на сто от съезда отошли и долго следы на дороге изучали, но, слава богу, ни-

чего не заподозрили и дальше двинулись.

Пост так и остался там, причем он не на самом съезде был, а метрах в трехстах от него, там место открытое было, а на трехстах метрах как раз лес начинался, вот там они и засели. От дороги далеко, и их совершенно не видно, зато они хорошо дорогу и съезд видят.

А за эти пару дней к нам с полсотни окруженцев прибились, благо продовольствие у нас пока еще было. Кроме того, что мы забрали со сломавшейся машины с кухней, была еще и немецкая машина с продовольствием, а кроме нее и телега. Минимум дней на десять нам всем хватит, а там либо немцы с нами поделаются по-братски, либо сами где на наших складах найдем, если повстречаем их.

Разведка донесла о пункте сбора нашего вооружения и техники. Там стояли четыре пушечных БА-10 и три БТ-7, а кроме них пять «сорокапятков», это из исправного. Пункт был на бывшей МТС, возле деревни. Охранял его взвод немцев, а кроме них сустились еще с десятков наших пленных, которые и занимались ремонтом техники. Нет, это не мои разведчики с нашими пленными разговаривали, все было намного проще – деревенские мальчишки. Они подкармливали наших пленных, и немцы этому не мешали, вот через них мы все и узнали.

Операцию по захвату провернули на третий день, вернее ночь. Пяток наиболее подготовленных бойцов ночью, сняв часовых, взяли спящих немцев в ножи. Это было не особо

сложно, так как немцы были нестроевыми, и зарезали их достаточно легко, как баранов. Наши пленные тоже спали, тем неожиданней и радостней было для них ночное пробуждение. При уходе мы забрали с собой всю исправную технику. Хорошо мы с Горобцом еще на всякий случай десятков наших водителей с ними послали, вот и смогли все вывезти.

Заодно и топливом немного разжились. На МТС свои запасы были, да еще с неисправной техники его слили, так что у всех баки полные, да еще целый грузовик с бочками бензина и соляркой прихватили с собой. Уходили тоже не прямо к нам, а сначала на восток, к линии фронта, как будто это проходящие мимо окруженцы пошалили, а затем съехали с дороги на небольшом перекрестке, замаскировали следы и уже в обход двинулись к месту нашего временного лагеря.

А в лагере мы разбирались с окруженцами. Довелось мне почитать книги, как современных авторов, так и старых, и в общих чертах я знал, на чем опытные особисты ловили немецких агентов.

Прежде всего, конечно, внешний вид и запах. Ну не может человек, который летом уже несколько дней пробирается лесом к своим, пахнуть свежим мылом и быть гладко выбритым. Ну и конечно, пресловутая скрепка.

Такой был только один, оказался штатным сотрудником абвера, а вот «вонючек» нашли троих – тех, кто и слишком хорошо пах, и был слишком чистеньким для почти недельного блуждания по лесам. Всех четверых после допроса рас-

стреляли. Неподалеку от места стоянки была достаточно глубокая балка, вот там их и расстреляли, благо весь звук вверх ушел, да еще деревья. Так что вряд ли кто услышал, а если и услышал, то не понял, откуда пришел звук выстрелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.